

7

(55) июль
2019

Иван-⁶⁺

да-Марья

Литературный журнал для семейного чтения

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТКОНКУРС

Валентина БОБКО-АЛЕШКЕВИЧ

*Стихи. Баксик. Хитрец.
Баксик и Белый. Рассказы* 6

Елизавета ЩЕГЛОВА

Папа. Рассказ 14

Иван ДЕНИСЕНКО

Дышит холодом неба омут... Стихи 29

Елена ДУБРОВИНА

*Лучезарные люди. Рассказ.
Красавица осень. Сказка* 30

Валентина КОТИК

Брожу я в доме опустелом... Стихи 37

Евгений ЮШИН

Стихи 38

Светлана ПЯТИБРАТОВА

Тот самый июль... Рассказ 42

Артём ПОПОВ

Прилетит вдруг волшебник... Рассказ 44

Александр ПУСТОВОЙТ

Меж занавесок... Стихи 50

Надежда КУТУЕВА

В чудесном саду. Рассказ 52

Елена ЛОБЫЗЕНКО

Душа на двоих. Рассказ 56

Сергей КОРЧНЕВ

Отчий дом. Стихи 58

Владимир ГУЛЯЕВ

Не последний шанс. Рассказ 60

Руслан ДЗКУЯ

Митина любовь. Рассказ 66

Дмитрий ШУНИН

Крановщик. Стихи 69

Юлия КЛЮЕВА

Ты любовь моя последняя... Рассказ 70

Ольга ПАВЛОВА

Потомки Сифа. Рассказ 75

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Сашенька ВЛАСОВЕЦ

Стихи 78

Юлия СТАРКОВА

Деревенской природы красивей... Стихи

Христос Воскресе! Рассказ 80

Валерия ТОКАРЕВА

Возвращение домой. Рассказ 85

Арина БОРОВСКАЯ

Родной – чужой дом. Рассказ 88

Официальный сайт редакции:

<http://svetoch21.ru>

Адрес издателя и редакции: г. Чебоксары, ул. А. Никитина, д. 11.

*Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес:*

428012, г. Чебоксары, а/я 12;

на электронный адрес:

svetoch-pokrov@mail.ru

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Главный редактор

Л.П. ВАСИЛЬЕВА

Подписку на журнал «Иван-да Марья» осуществляет ФГУП «Почта России»
по Официальному каталогу ФГУП «Почта России», подписной индекс – П2123.

Онлайн-подписка:

<https://podpiska.pochta.ru/press/П2123>

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала по территории РФ
осуществляет редакция журнала «Иван-да-Марья». Заказ можно оформить
на странице Вконтакте https://vk.com/ivan_da_m или на E-mail: svetoch-pokrov@mail.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-57090 от 03 марта 2014 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель: Ассоциация «Православное
издательско-просветительское объединение «Светоч».

Время подписания в печать - 8.00; по графику - 8.00. Дата выхода в свет: 05.06.2019.

Формат А5. Объем 96 стр. Печать офсетная.

Отпечатано в типографии Сорокина А.В. «Новое время» г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, д. 50/1

Тираж 500 экз. Заказ № К12/ИМ2019-06.

ЛитКонкурс

ВАЛЕНТИНА БОБКО-АЛЕШКЕВИЧ

*62 года, деревня Радково Солигорского района
Минской области, Республика Беларусь*

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

В доме сказка поселилась:
Часики с кукушкой,
Вся семья к часам спешила
Птичку эту слушать.

А часы – кукушкин дом,
Весь резной, нарядный.
Было слышно: «Ку-ку, бом-м!»
Все стояли рядом.

Детки столик подставляли,
За кукушкой подглядеть,
И достать её пытались,
А она – головкой верть!

И укроется в домишке,
Хлопнув дверцею резной.
Наши доча и сынишка
Тут же просят птичку: «Спой!»

Папа часики подкрутит,
Чтобы снова: «Ку-ку, бом-м!»
А потом на тёплый ужин
Соберёмся за столом.

СЛЁТ

Послетались мотыльки
На осенние цветки,
Вкусно отобедать
И пыльцы отведасть,
Да на солнышке осеннем
Греть и спинки, и колени.

ТРУСИХА

Бежала жабка вдоль фундамента,
Спешила по своим делам,
И убегала так отчаянно,
И лезла по моим ногам.

Собака фыркала и лаяла,
И жабку до смерти пугала,
Дышала на неё отчаянно,
А жабка та дрожала.

Я свистом позвала собаку
И в сад подальше увела.
Ох, улепётывала жабка!
Большой трусихой была.

О ЖЕЛТОРОТИКЕ

Желторотик маленький
Вылез из гнезда,
Сел, как на завалинке,
А дальше – никуда!

Глазки словно бусинки
Смотрят удивлённо...
Сам такой малюсенький,
А мир такой ог-ром-ный!

Пёрышки блестящие,
Серенькие с чёрненьким,
Крылышки дрожащие,
С хвостиком коротеньким.

Вот такая красота
Греется на ветке,
Я тихонько подошла.
Чтобы не заметил.

Удивлённо так взглянули
Глазки, словно бусинки,
Крылья трепетно вспорхнули –
У-ле-тел малюсенький.

РОМАШКА И БАБОЧКА

На ромашке белой,
Что в саду цвела,
Бабочка присела
И нектар пила.

Ветер-шалунишка
В лепестках играл,
Красную манишку
Бабочке сдувал.

Распрямила хоботок
Бабочка-крапивница,
Раз глоточек, два глоток.
И сидит счаст-ли-вая!

От целебного нектара
Заискрились глазки,
И крапивница считала,
Что попала в сказку.

Я тихонько любовалась
Красною милашкой...
Миг! И бабочка поднялась
С беленькой ромашки.

КОТ И МЫШОНОК

Несётся кот домой с добычей.
В зубах – мышонок еле жив.
Охотник рыжий, как обычно,
В саду мышонка положил.

Бедняга глазки приоткрое
И потихоньку уползает,
А рыжий кот сидит героем,
Но за мышонком наблюдает.

Мышонок спрячется под сливу,
А кот сидит. Не шелохнётся.
Такой спокойный и счастливый,
Потом и сам за ним крадётся.

Прыжок – добыча снова в лапах!
Усы – торчком, огонь в глазах.
Мышонок уползал и драпал,
Но кот тащил назад в зубах.

Пришло спасение случайно:
Пёс рядом с ними оказался.
И для кота осталось тайной,
Куда ж мышонок подевался.

А сам «герой» взлетел на сливу:
В глазах – испуг, и хвост трубой,
И не такой уж он счастливый –
В охоте получился сбой.

МЕЛКИЕ ВОРИШКИ

Молодые воробышки
В поле прилетели,
И тихонько, как воришки,
На пшеничку сели.

Захотели пообедать
Воробышки юные,
Вкусных зёрнышек отведать,
Что уже проклюнулись.

Но раздался голос грозный:
«Вы куда! А ну-ка – кыш!»
Стайка брызнула, как звёзды,
И стремглав помчала ввысь.

Не поели вкусных зёрен
Юные воришки,
Улетали дружно с поля
В сереньких штанишках.

Рассказы

БАКСИК

То лето случилось знойным, горячим и без дождей. Измученные жаркими днями, мы с мужем вечерами прохаживались по деревенской улице. Вечерняя прохлада приносила некоторое облегчение. Завораживали и виды звёздного неба. И мы с удовольствием гуляли по родной деревне Радково, где у нас имеется собственный дом. В один из таких вечеров за нами увязался невесть откуда взявшийся небольшой пёсик, чёрненькая дворняжка. У меня сразу же выскочило: «Баксик!» Не знаю, чей это был пёсик, откуда он взялся, но то, что он выбрал нас новыми хозяевами, было очевидно. Мы его пытались отогнать, отправить, так сказать, домой, но он упорно шествовал рядом. Отбежит в сторонку на взмах руки и тут же оказывается рядом. Так и прошёл с нами километра полтора. Мало того, он бесстрашно бросался на дворовых собак и котов, оберегая и охраняя нас. У нашего двора муж предложил угостить «охран-

*Мы уже
ему купили
красивый ошейник,
построили будку
и стали –
в доску своими!*

ника». Я набрала еды и вынесла на улицу, где сидел Баксик. Он спокойно подошёл и неторопливо начал поглощать бутерброды. А мы с чистой совестью пошли отдыхать.

Утром следующего дня мы проснулись под ...преданный лай. У ворот сидел ночной гость и лаял на прохожих, служил, так сказать. К слову сказать, собаку заводить мы совсем не планировали. Но еду Баксику я всё же вынесла. И воды поставила в баночку, чтоб спасти от жары. Неделю он кушал, потом куда-то убегал, но к вечеру неизменно появлялся у нашего двора и нёс охрану, как и подобает. Я узнала, что он уже около двух месяцев скитается в нашей деревне. Люди злыми стали: возьмут животное домой, поиграют и выбросят. У нашей деревни такое случается постоянно: подъедет легковое авто, откроется дверца, вышвырнут собаку и – по газам! Похоже, что и Баксик оказался отказником. Я начала поиски хозяев, даже просила пристроить его в собачий приют, пока отыщется новый хозяин. Всё оказалось безрезультатным. Но и забирать пёсика себе в планы наши не входило. Я его подкармливала, а он сопровождал нас на вечерних прогулках. Охранял. Больше месяца мы присматривались друг к другу.

А однажды вечером я вытянула на улицу поливочный шланг, чтобы полить клумбу. Баксик, как обычно, лежал у ворот. Увидев меня, он решительно направился в сторону соседского пса Тарзана, который приближался к моему двору. И начался бой. Баксик оказался проворнее и моложе... Но тут на помощь Тарзану выскочил его хозяин с огромным колом и ещё одна соседка с пылевыбивалкой. Я закричала, но и Баксик получил. И тогда я направила на всех струю воды и отбила храброго пса. Он куда-то побежал, не стал даже кушать. Вечером его не оказалось у моего двора.

А утром я провожала мужа в магазин. Открываю калитку, а Баксик лежит за клумбой. Когда муж ушёл, то пёсик приковылял ко мне, а я, увидев его, расплакалась. Разрыдалась. Переднюю левую и заднюю левую лапки тянет, левое ушко разодрано, в глазах – мольба. И сердце моё дрогнуло. Открыла калитку и произнесла: «Заходи!» И он заторопился во двор, боясь, что передумаю. Я его осмотрела, ощупала. Это были просто ушибы. К счастью, переломов не было. Муж, придя домой, удивился, но не прогнал Баксика со двора. И целую неделю мы его выхаживали, приглашали доктора, делали уколы, давали таблетки, мазали ушко. Носик был сухим, дыхание тяжёлым, но хороший уход и питание, как и надлежащее лечение, сотворили чудо: Баксик выздоровел. Шёрстка заблестела, носик повлажнел, глазки оживились. А как он нам служит! Малейшее движение за воротами или забором – заливается лаем и ведёт нас туда, показывает, что посторонние рядом. Мы уже ему купили красивый ошейник, построили будку и стали – в доску своими!

Я однажды случайно присела на корточки, а Баксик лежит поодаль и наблюдает. Тогда я развела руки навстречу, как детям, и он со всех ног бросился ко мне, поставил передние лапки на колени и вылизал руки и лицо, чем опять довёл меня до слёз. Только это уже были слёзы радости.

ХИТРЕЦ

Баксик новую будку игнорировал и всегда ночевал около нашей машины во дворе. Днём он искал место в саду на травке, чтоб спрятаться от солнца. А однажды утром он меня рассмешил своей находчивостью.

В садовой беседке у нас стоит подвесной диван. На нём лежат рогожные и очень удобные матрацы. Я их обтянула весёленьким ситцем, сшила и набила подушки, и целое лето на этом диване отдыхали и игрались

мои внучата, Сашенька и Миша. Но вот внуки уехали и диван опустел. Иногда, между делами, мы с мужем отдыхали на нём.

Как-то раз я проснулась около семи часов утра и сразу вышла на улицу, чтоб оценить погоду, увидеть рассвет и вдохнуть утренней свежести. У машины Баксика не было. Я подумала, что он где-то на обходе территории. И тут... качнулся диван, с него спрыгнул Баксик и весело побежал ко мне. Я от смеха смогла только проговорить: «Ну, ты и хитрец!»

БАКСИК И БЕЛЫЙ

У моих соседей года два живёт кот. Большой, худой и абсолютно белый. И кличка у него – Белый. Он всегда голоден, так как хозяйка кормит его очень скудно. Перевела на самоокупаемость. Поэтому периодически он наведывается к нам на компостную свалку, куда мы выбрасываем остатки пищи и т.д. В один из дней я чистила яблоки для зимних заготовок. Баксик преданно следил за мной, лёжа у моих ног. По окончании работы я взяла ведро с очистками и пошла к свалке. Баксик остался у дома.

На свалке сидел Белый и что-то с аппетитом уплетал. Меня он не видел, ибо сидел ко мне спиной. Я рассмеялась: «Что ты там нашёл? Я вкуسنостей не выбрасывала». Кот не отреагировал на мой смех никак, а продолжал что-то есть. Тогда я стала высыпать очистки у его ног. Кот рывком обернулся, увидел меня и пулей рванул со свалки. И тут откуда-то выскочил Баксик. Белый, задрвав хвост трубой, рванул к своему огороду. Баксик не отставал. Они оба летели по моим грядкам, не разбирая дороги, вздымая тучи пыли. Кот секундой раньше успел прыгнуть на сетку, которой был обнесён мой участок, вскарабкался по ней, спрыгнул на свою территорию и помчал за свой сарай.

А Баксик... прискакал ко мне. Именно прискакал: задняя левая лапа поднята, в движении не участвует. Он забежал в сад и рухнул на траву, а затем начал зализывать ранку. Видимо чем-то поцарапался, пока мчал за Белым.

Я от смеха не могла говорить. Вся ситуация была настолько комичной, что я ещё долго не могла успокоиться и искренне хохотала. Минут через десять Баксик уже весело бежал по двору на всех четырёх лапах.

А вот Белый упрямо наведывался к нам в гости, а мы с внуками его кормили. Причём, Баксика отвлекал внук Миша, а кормила котика внучка Сашенька.

ЕЛИЗАВЕТА ЩЕГЛОВА

21 год, г. Пермь

Рассказ

ПАПА

*«Ты будешь называть Меня отцом твоим и не отступишь от Меня»
(Книга пророка Иеремии, 2:8).*

*«Возвратитесь, мятежные дети:
Я исцелю вашу непокорность. –
Вот, мы идем к Тебе,
ибо Ты – Господь Бог наш»
(Кн. пророка Иеремии, 4:22).*

Греция. Маленькая деревня на побережье Эгейского моря. На пригорке стоит каменистый домик, перед которым пестрят клумбы с разноцветными цветами и миндальное дерево, в том доме проживает женщина и ребёнок – мама и сын. Пелагея и Тимофей.

Пелагея – тридцатидвухлетняя вдова, и все заботы о доме и ребёнке она взвалила на себя. Постоянно на тяжёлых работах, чтобы прокормиться.

Тимофей – девятилетний мальчик, который не помнит своего кровного отца. Он очень хотел, чтобы у него появился папа. И Папа к нему пришёл.

1. Велосипед

Настал день рождения Тимофея. Ему исполнилось 9 лет. Летнее утро началось с того, что жаркие лучики солнца упали на спящее лицо мальчика, который жмурился, лёжа в постели, и тут же закрыл лицо одеялом. Мама позвала его по имени несколько раз, но мальчик сделал вид, что не слышит.

– Мальчик мой, пора вставать, – прозвучал близко к нему мужской нежный голос. Это был Папа. Его голос он уже слышал. Папа частенько будил его по утрам, когда тот опаздывал в школу. – Сегодня твой день рожденья. Солнце радуется этому дню.

– О! Точно! – Тимофей откинул от себя край одеяла. Теперь он точно не будет спать.

По всему дому разнёсся запах горячего сладкого пирога и ещё каких-то пряностей. Тим быстро выскочил из кровати, оделся и уже нёсся к маме на кухню. Он пришёл прямо к тому моменту, когда мама ставила пирог на стол. Тимофею в этот день очень повезло – сегодня был выходной и для него, и для мамы. Она не спешила уже на работу, а стояла и раскладывала снасти в тарелку.

– Доброе утро, соня, – Пелагея улыбнулась. – Помнишь, какой сегодня день?

– День моего рождения? – удивился мальчик.

– Именно.

Мама очень редко готовила сладкий пирог – только на особые праздники. День рождения Тимофея был как раз одним из них. После сладкого завтрака и вкусных подарков, пришла пора и для других сюрпризов...

– А теперь давай выйдем на улицу, – внезапно сказала мама, вставая из-за стола. На вопрос: «Зачем?» – она молча улыбалась. Семья вышла на крыльцо своего дома. Прямо возле них росло дерево миндаля, под тенью которой стоял красный новенький велосипед. Мальчик затаил дыхание, на минуту на лице завис ошеломляющий восторг.

– Я знала, что тебе он понравится, – сказала мама. Практически у каждого одноклассника в их школе есть велосипед, только у него одного его не было.

– Мама! Теперь у меня есть велосипед! – с диким восхищением Тим подбежал к велосипеду, вывел его из-под тенька. Ребёнка ещё больше охватила радость:

– Мама, он такой красивый! Спасибо тебе!

И действительно, велосипед на солнце сиял всеми цветами радуги. Яркие блики заиграли на красном велосипеде. Для мамы было приятно видеть огромную радость и веселье на лице ребёнка.

– Я могу на нём покататься?

– Конечно, это же твой велосипед! – удивилась Пелагея.

Палило солнце. Тимофей катил велосипед по узкой протоптанной дорожке в поле и будто разговаривал сам с собой вслух. Вокруг не было никого, кроме него.

– Папа, а ты можешь меня научить кататься?

– Конечно. Это легко, чем ты думаешь, – прозвучал мужской голос где-то высоко, но при этом одновременно и близко. – Для начала, сядь на велосипед.

Тимофей остановился, вместе с ним остановился и велосипед. Мальчик сел на сиденье, но ещё пока не ставил ноги на педали.

– Поставь одну ногу на педаль, а другой стой на земле.

Мальчик сделал и это.

– А теперь надави на педаль, и следом ставь другую ногу. Только не убирай их с педалей, а то можешь упасть.

– Хорошо, попробую.

Тимофей сделал так, как ему сказал Папа. Но мальчик всё равно беспокоился, что что-то может случиться. На этот раз Папа первым продолжил.

– Если педали назад начнёшь крутить, то будешь тормозить.

– А я точно смогу?

– Сможешь. Только крепко держись за руль и смотри на дорогу! – предупредил его Папа. И действительно, колёса завертелись, педали закрутились.

Малыш пару минут привыкал к вождению, а потом, когда понял, что получилось всё, то расплылся в радостной улыбке.

– Ну, как? Нравится? – с интересом спросил Папа.

– Папа, у меня получилось! – засмеялся Тимофей от радости.

– Вот видишь. Я же говорил, – папа тоже обрадовался такому достижению ребёнка.

Мальчик разъезжал по пыльным просёлкам, через безлюдные улочки деревни и везде было рядом с ним солнце...

День пролетел быстро. Тим вернулся только под вечер. Мальчик был весь радостный и мокрый от постоянного катания на велосипеде. Несмотря на то, что у него гудели ноги от велосипеда, ему это не мешало радоваться. Пока его не было, соседи принесли сладкие пироги и инжир.

После ужина Тимофей отправился в кровать. Мама перед сном его поцеловала и ушла. Так закончился день рождения Тимофея.

На следующий день Тим остался один. Мама была на работе, а на улице была жаркая погода – палило солнце. Духота. Но это не остановило юного героя! Он вновь отправился в путешествие на велосипеде.

Мимо пролетали красочные виды зелёных деревьев, холмов, мелькающее море. Голубое небо было без облаков. Деревенские жители были заняты своими делами. Женщины развешивали под палящие лучи белые мокрые простыни, пока их мужья были на работе. Дети резвились на побережье, плескаясь ногами в мели. Тимофей очень любил эти родные просторы.

Он решил побывать в одном тайном месте, которое знает только он один. Там цвели травы и цветы, жужжали пчёлы и летали вокруг бабочки. Древние огромные деревья закрывали от солнца. Это место было нетронуто человеком.

Мальчик спокойно ехал на велосипеде, но что-то пошло не так. Бах! На земле уже лежал велосипед, чьи колёса ещё крутились, а Тимофей сидел в грязи и пыли. Даже он сам не понял, как он мог так упасть...

Мальчик сидел и плакал. У него была разбита коленка, рана уже во всю кровила и болела.

Папа начал с ним диалог:

– Чего плачешь? – спокойно спросил Папа.

– Больно, – хлюпнул носом мальчик.

– Больно? – удивился Папа. – У тебя только ранка на колене.

Пауза. Тимофей молчит и плачет.

– Вставай. Поднимайся, – твёрдый голос прозвучал над Тимофеем. Он ещё сидел на земле, но начал успокаиваться. – Ну же!

Мальчик осторожно начал вставать.

– Молодец! Всё не так плохо, как кажется, – подбодрил его Папа.

– Мама будет ругаться...

– Не будет. Вещи можно постирать, а ранку намазать зелёной.

В итоге мальчик поехал домой. Мама дома не было. Он постирал сам кое-как вещи, которые сам же повесил сушиться. Тимофей был в новой одежде. Он достал аптечку, зелёнку и ватку, и теперь пытался намазать ранку зелёной, но ему было больно.

– Не плачь. Вот помажешь и пройдёт, – сказал Папа.

Мальчик рискнул. Надул щёки от напряжения и боли, но он смог сделать первый шаг – помазать зелёной.

– А теперь зажмурься, – сказал Папа.

Тот зажмурил глаза и открыл только через пару минут. Мальчик удивился. На коленке красовался пластырь, хотя он его не клеил.

– Через пару дней всё пройдет, – Папа был всё ещё рядом с ним.

– Теперь точно ничего не болит, – Тимофей был всё ещё в удивлении. А потом удивление перешло в радость. – Спасибо, Папа!

2. Школа

Вот ещё один учебный день, но скоро будут летние каникулы. До них остались буквально недели. Мама ушла на работу, а Тимофей отправился в школу. Мальчик не был отличником, но учился достойно. Он любил

учиться и узнавать много нового. Его место было во втором ряду, четвёртая парта.

Сейчас должна быть математика. Он достал из рюкзака учебники и тетради, разложил всё по местам и сел за парту. Его одноклассники пришли и тоже сели все за парты. Как только прозвенел звонок, то зашла учительница в класс – госпожа Димитриди.

Учитель открыла журнал и спрашивала каждого по фамилии, кто пришёл, а кто нет. Потом начался урок.

– Я понимаю, что до конца учебного года осталось пару недель, и будут летние каникулы, но, мне кажется, что мы успеем пройти ещё несколько новых тем. Поэтому, записываем название темы, – учитель встала из-за стола, написала на доске мелом новую тему по математике и начала рассказывать.

В этот момент к Тиме в макушку прилетел сжатый комоч бумаги. Некоторые мальчишки из его класса не особо его любят – постоянно задираются и издеваются. Сзади него слышались тихие голоса, которые переговаривались между собой и смеялись. Им учитель сделала замечание по поводу их поведения, и только после этого они более-менее поутихли.

Этот учебный денёк пролетел, как и все остальные. Всё было одно и тоже – уроки, перемены, столовая. Только добавилось то, что он не смог понять тему по математике. Задали несколько задач и примеров, которые нужно решить.

Дома не было никого, кроме него. Тимофей после школы вернулся, немного отдохнул и уселся делать домашнее задание. Он много всего сделал сам – задания по-греческому, по окружающему миру, и оставалось только последнее – математика.

Мамы дома нет, и даже если и была, то, сказала: «Делай всё сам – я не буду тебе помогать». Поэтому Тимофей делал всё сам, но на этот раз у него совсем ничего не получалось. Единственная поддержка его была – это Папа. Он решил обратиться к Нему.

– Я не знаю, как это решить, Пап, – мальчик смотрел в открытый учебник и в сотый раз перечитывал условия задачи.

Внезапно слышался шелест страниц. Кто-то невидимой рукой перелистывал страницы учебника. Тимофей не притронулся к учебнику, и он понимал, что это был не он.

– Ты помнишь то, что решал раньше? – спросил Папа, всё ещё перелистывая учебник. И тут Папа остановился на странице, где была тема прошлых занятий. – Вот, это точно такая же задачка, но с дополнительным условием. Это решение той задачи есть у тебя в тетради, ты можешь её

найти. И просто сопоставь то, что ты решал, и то, что тебе задали.

– И больше ничего не нужно? – с удивлением спросил ребёнок.

– И больше ничего не нужно, – ласково ответил Папа.

После такого наставления, Тим решил попробовать сделать по совету Папы. Посмотрел, перелистал, перечитал и сравнил то, что задали. И действительно!

– Там только нужно добавить кое-что из новой темы. И всё! Ух ты! – мальчик и удивлялся, и сиял от радости. Он с усердием начал решать, задачи сами выписывались в тетрадке. Тимофей, решая, не заметил, как пролетело быстро время. Домашняя работа на следующие уроки была готова.

Когда на следующий день начали проверять у каждого ученика готовые домашние работы по математике, то у Тимофея оказалось, как ни странно, всё верно и никаких придираков.

– Какой ты молодец, Тимофей! – его даже учительница похвалила и поставила положительную отметку в журнал.

А во время урока он старался, как можно чаще выходить к доске и решать задачи, которые задавал учитель во время урока. Этот школьный день Тимофей очень хорошо запомнил...

– Папа, спасибо Тебе, что Ты мне помог с домашним заданием, – перед сном, уже засыпая в кровати, сказал Тимофей

– Мальчик мой... – повторял тихонько Папа, – Мальчик мой...

3. Рюкзак

Начало нового дня. Пелагея стояла на кухне и раскладывала еду по тарелкам.

– Тимофей, завтрак сейчас остынет! – громко сказала мама, позвав сына.

Мальчик прибежал из комнаты в школьной форме и уселся за стол.

– Доброе утро, мам.

– Доброе утро.

Пауза.

– Ты сегодня опять на работу?

Женщина поставила тарелки на стол, и налила Тимофею стакан молока.

– Да. А кто будет кормить тебя, кроме меня?

Пелагея повернулась к нему спиной, занимаясь домашними делами, а мальчик начал кушать.

– Ах да, забыла сказать, сегодня я буду поздно. Поэтому приготовишь себе сам что-нибудь.

– Хорошо, мам.

Тимофей, допив молоко, хотел сказать маме по привычке «Я тебя люблю»:

– Мам, я...

Но женщина его прервала:

– Тебе пора в школу.

Школьники уже начали готовиться к итоговому сочинению. Тимофей отправился в школу с надеждой, что что-то новое произойдёт в этот прекрасный тёплый денёк. Учитель задал на уроке написать сочинение на тему «Моя семья». Преподаватель написала мелом название темы и начала объяснять.

– У каждого наверняка есть родители. Напишите о том, как вы со своей семьёй проводите время, расскажите о своём папе, какой он? Может, где он работает?.. А мама?.. Что она любит делать? На это у вас уйдёт весь урок, а на следующее занятие лучшие работы прочитаем вслух.

Тимофей сидел за партой, и задумался над темой. «У меня есть Папа. Он очень добрый и заботливый, а ещё у меня есть мама...»

Тимофей весь урок писал, писал и ещё раз писал. Ему много всего хотелось написать про своего Папу:

«Моя семья – это моя мама Пелагея и Папа. Но очень хочется рассказать именно про Папу.

Мой Папа очень любит меня. Он многому меня всему научил. Например, как-то раз мама купила мне красный велосипед, я так хотел на нём покататься, но не умел. Папа научил меня этому – Он мне объяснил, как надо ездить. Или помогает мне с домашним заданием, пока мамы дома нет. Папа мне объясняет, как надо решать задания по математике. А ещё Папа часто рассказывает мне что-то, у Него в запасе есть много поучительных историй. Папа рассказывает их, когда мне очень тяжело. Словно Он их Сам придумывает для меня. Например, Он мне как-то рассказывал про пастуха и овец – одна овечка пропала, пастух начал искать её, и нашёл, и очень был рад тому, что нашёл овечку. Мы с Папой постоянно общаемся и гуляем, пока мамы нет дома. Я не знаю, кем Папа работает, но думаю, что Он – художник или архитектор, потому что Он мне говорил, что Он – Творец. Мой Папа как-то сказал мне: «Я насадил тебя как благородную лозу, – самое чистое семя»¹, и пока ещё не могу понять, почему Он именно так обо мне говорил. Может, Он любит выращивать что-то?

¹ Иер. 2:21

Я очень люблю своего Папу», – именно эта часть была завершающей для сочинения. Тимофей поставил точку и сдал тетрадку со своей работой. Прозвенел звонок с урока, дети начали вставать из-за парт на перемену. Учительница на перемене успела проверить не все работы, и после очередного звонка она взяла первую попавшуюся тетрадь, которая лежала возле её рук. Это оказалась тетрадь Тимофея.

Учитель начал читать вслух его сочинение, девушка не сразу поняла про Кого идёт в тексте. Она это осознала только в самом конце. Её уверенный голос в начале скатился в тихий шёпот в конце. Настала напряжённая тишина. Одноклассники незаметно стреляли на Тимофея странными взглядами, а на задних партах, где сидят его недруги, уже строился план возмездия.

До конца урока оставалась буквально пара минут, и до сих пор не было ничего сказано ни учителем, ни учениками. Но эту угнетающую тишину нарушила учительница. Она подняла взгляд с написанного текста на учеников и сказала:

– Так, детки, собирайтесь. Домашнего задания не будет.

Как только она это проговорила, то сразу прозвенел звонок. Дети собрали рюкзаки и начали выходить из кабинета и говорить: «До свидания, кирия² Димитриди».

– Тимофей, останься, пожалуйста, нужно с тобой поговорить, – прозвучал внезапно голос учителя. От детей были слышны лишь топанье ног, да только те хулиганы втихушку захихикали, осознав, что Тимофею влетит.

В классе никого не осталось, кроме учителя и ученика. Тимофей стоял возле учительского стола, учительница была напротив него и села на прищадки, как обычно садятся взрослые дабы что-то личное сказать.

– Скажи мне, пожалуйста, как зовут твоего... Папу? У Него есть имя? – шёпотом спросила девушка. Она очень переживала за мальчика, и взгляд её это выдавал.

– Да, есть. Его зовут Саваоф, – спокойно ответил ребёнок, не понимая, что здесь происходит.

– Ты ничего не написал о Его внешности. Ты Его видел? – ещё больше начала допытывать учительница.

Мальчик закрутил головой.

– Нет, я Его не видел. Но слышу. Он со мной разговаривает, – ребёнок смотрел прямо в глаза взрослому.

2 Кирия – греч. госпожа.

На этот раз кирия Димитриди ничего не могла ни ответить, ни спросить. Она встала и хлопнула легонько ладонью по плечу мальчика.

– Не буду тебя задерживать. Иди домой.

– Вы только не говорите об этом моей маме, хорошо? – внезапно сказал Тимофей. Это его беспокоило, что об этом узнает мама. Учительница постояла молча, подумала и подтвердила, что ничего не расскажет.

Мальчик убежал из класса, вышел на школьный двор. Но ему перекрыли дорогу домой мальчишки-одноклассники. Они выбежали из-за угла, специально его поджидая.

– Эй, слышь, чего ты врешь? – начал было первый мальчуган.

– Нет у тебя никакого папы! – присоединился второй.

Было шестеро детей, двое говорили и задирали его, а остальные молча стояли на стрёме, чтобы не попасться директору.

Каждый из них стоял с камнями в руках.

– Я не вру, это правда. У меня есть Папа, – начал было оправдываться Тим.

– Врун! – крикнул кто-то ещё. – Нет у тебя никакого папы!

– Врун! Врун! – подзадорил другой.

Они начали кидать в Тимофея камнями, которые держали в руках и кричать: «Врун! Врун!» Мальчики окружили его, как стервятники, сильнее начали закидывать камнями, орать.

С земли поднялась пыль, палило солнце. Тима зажали и начали уже бить ногами и кулаками. Ребёнок сел на присядки и закрылся руками. Его спасало только одно – рюкзак.

– Нет у тебя никакого папы! – продолжали те кричать и бить его. – Нету!

– Есть! Есть! У меня есть Папа! – постарался ещё громче них сказать Тимофей.

– Не ври! Это тебе за твоё вранье! – крикнули все остальные.

Мальчишки открыли его рюкзак и начали рвать тетрадки и учебники, которые лежали там. Это позволило Тиму выбрать мгновение отступления. Мальчик подгадал момент, чтобы вырваться из пучины жестокости. Он быстро рванул от них.

– А ну, держите его! А то убежит! – за ним погнались.

– У твоего папы даже имени нет! Врун! – заорал кто-то из той компании вслед ему.

– Есть! У Него есть имя! – во время бега прокричал Тимофей. Мальчик кое-как смог оторваться от них.

Он тяжело дышал от бега и уселся на ближайшую лавочку. На улице было пусто, мальчик оказался в глухой части деревни. Тим снял рюкзак, дабы убедиться в его целостности... Рюкзак, который подарила ему мама, был в плохом состоянии. Разорван, испачкан, и многих тетрадок и учебников нет. Сохранился только пенал с ручками. Ребёнок печально смотрел на разорванный рюкзак и решил обратиться к Папе:

– Пап, что я маме скажу? – тихо спросил ребёнок.

– Скажи, как есть. Не надо врать, – спокойно ответил Папа.

– А рюкзак?

– Сынок, это ведь обычный рюкзак. Истина куда важнее обычного рюкзака.

– Мама ведь копила деньги на этот рюкзак, чтобы я в школу пошёл. Ради меня копила, – Тимофей горевал, и рассматривал рюкзак. – Она будет расстроена.

– Хм, Я что-нибудь придумаю, – сказал Папа. – Подожди немного.

После этого настала тишина. Тимофей сидел один на лавочке, а потом решил всё-таки идти домой. Пошёл по протоптанной дорожке, вокруг мелькали магазины и дома. Никого не было вокруг, кроме него самого.

Вдруг навстречу ему появилась молодая девушка в одежде рабочих магазина, она держала в руках новенький жёлтый рюкзак. Они одновременно остановились друг против друга. Девушка смотрела на мальчика и молчала.

– Ой, это у тебя рюкзак порвали? Мой коллега увидел драку возле школы, там одному мальчику порвали сумку и вывалили тетрадки. А у нас на складе оставался последний рюкзак по акции, но его никто не брал. Вот я и решила найти того школьника и отдать ему рюкзак.

Тимофей стоял, с открытым ртом, слушая произнесённые слова девушки.

– Так это ты тот школьник?

Мальчик покачал быстро головой, не сводя с неё взгляда. Она вручила ему подарок и попрощалась. Когда Тим пришёл в себя, то девушки возле него уже не было. Несколько раз он протёр свои глаза – не померещилось ли ему?

И вновь прозвучал голос Папы:

– Сынок, это тебе в утешение. Только не злись на них, они просто немножко другие.

Мальчик благополучно вернулся домой. Старого рюкзака уже не было. Как потом Тимофей узнал, в новом рюкзаке были все те тетради и учебники, которые порвала компания мальчишек. Только они были в целостности и сохранности, вплоть до каждого слова, которые написал Тим.

Вечером он маме рассказал только про то, что подрался с мальчишками и про новый рюкзак, который подарила незнакомка. «Про драку, – как думал Тимофей, – мама всё равно бы догадалась – ведь синяки никак не убрать».

4. Море

Следующим утром мальчик отправился в школу. Лицо и руки его были все в синяках. Под глазом было красное пятно, которое сильно болело – последствия вчерашней драки. Мимо проходящие одноклассники косо на него смотрели и молчали.

Прозвенел звонок. Учительница зашла в класс. Дети её поприветствовали. Госпожа Димитриди не сразу заметила эту «красоту» на лице Тимофея, но когда она это увидела, то ничего не сказала. Так же ей попался под её взгляд новый рюкзак. Честно говоря, смотря на эту картину – мальчик в синяках и новый рюкзак – можно понять всё без слов, что произошло. Так поняла и учительница. Она лишь посоветовала на перемене сходить к медсестре.

Тимофею было очень беспокойно, но внешне он оставался обычным ребёнком. Ему очень хотелось поговорить с Папой. Мальчик думал, что только Папа сможет ему всё объяснить и рассказать, как Он это делал раньше. Только Тим понимал, что, если он уйдёт с уроков, то обязательно об этом узнают. И мама тоже. Поэтому, он решил немного потерпеть, но до конца всех уроков, чтобы потом совершить задуманное...

На улице потемнело от сгустившихся облаков. Местные жители поговаривали, что будет сильный ливень. Мальчик отправился на побережье, где никого в такую погоду не было. Море бушевало и пенилось, волны разбивались о песок, вынося тину. Тимофей неторопливо шёл по песку, оставляя следы. Побережье тоже немного потемнело оттого, что тучные облака закрыли лучи жаркого солнца.

– Папа, почему они говорят, что Тебя нет у меня? – шёл Тимофей и спрашивал: – Ведь Ты есть, но они говорят, что Тебя нет.

Было слышно, что словно Папа вздохнул.

– Утроба моя! Утроба моя! – обращался Он так к ребёнку. – Скорблю во глубине сердца Моего, волнуется во Мне сердце Моё, не могу молчать. Ибо ты слышишь, душа Моя, звук трубы, тревогу брани.

После Папиных слов Тим действительно услышал звук трубы. Ощущение было, словно будто звук везде, со всех сторон. Мальчик остановился и посмотрел вверх, обращаясь к Папе.

– Долго ли мне слушать звук трубы?

– Это оттого, что народ Мой глуп, не знает Меня: неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют, – сказал Папа. После Его слов звук трубы прекратился.

Мальчик начал раздумывать над тем, что ответил ему Папа. Он шёл мимо плескавшегося моря и рассматривал отражение неба в воде.

– Но что же мне делать, Папа? – ребёнка волновали все эти вопросы, с которыми он мог поделиться только с Папой.

– Самое главное, не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя. – прозвучал ласковый голос Папы, – Не обижайся на них.

Когда Папа это сказал, Тим почувствовал уверенность, что с ним будет всё хорошо. Ведь рядом с ним Папа.

– Понимаешь, мальчик Мой, – обычно именно так начинались интересные истории, которые рассказывал Папа, – Я положил песок границей морю, вечным пределом, которого не перейдёт; и, хотя волны его устремляются, но превозмочь не могут; хотя волны бушуют, но переступить песок не могут. А у народа сего сердце буйное и мятежное, все они отступили от Меня. Не знают они Меня.

– Совсем-совсем не знают? – спросил ребёнок

– Совсем-совсем, – ответил Папа.

Произошла пауза. Настала тишина между Папой и Тимофеем. Мальчик молчал и раздумывал.

– Сынок, в устах их ты близок, но далёк от сердца их, – завершил диалог Папа. – Не унывай, Мне очень понравилось твоё сочинение.

Тем временем, учитель очень беспокоилась за Тимофея. У неё был выбор – вызывать маму в школу или нет. Ей хотелось рассказать об этом матери ребёнка, ведь, судя по всему, мама не знает всего того, что происходит с её дитя. Но она обещала Тиму не рассказывать ничего...

Учительница сидела в пустой учительской и раздумывала об этом. Она потирала руки в волнении.

– Наверно, мама всё должна узнать, иначе как спасти ребёнка от подобного? – сама себя спрашивала девушка.

Выбор был сделан. Она машинально взяла телефонную книжку родителей, начала поворачивать цифры на стационарном телефоне. Как правило, учителя звонили на работу родителям, потому что дома их не было.

Пелагея была на работе, её рабочую обстановку прервал телефонный звонок из школы. Её вызывала классная руководительница.

– Хорошо, я через час буду у вас, – заявила Пелагея, говоря по телефону.

Что могло стрястись с Тимофеем? Прогуливал? Двойка? Плохое поведение? Мама перебирала все варианты.

Учитель нашла в стопке тетрадей ту самую тетрадь Тимофея, в котором он написал сочинение. До прихода родительницы, госпожа Димитриди перечитывала написанное сочинение в тетрадке школьника. Она подробно вникала в суть его слов.

Пелагея отпросилась с работы, чтобы пойти в школу для выяснения всей ситуации по поводу Тимофея. Она пришла вовремя, как и говорила. Учительница встретила её доброжелательно.

– Так в чём, собственно, дело? – спрашивала её Пелагея.

– Вам лучше для начала прочитать то, что он написал в своём сочинении на тему «Моя семья», – обеспокоено заговорила учительница, протягивая тетрадку Тимофея.

Госпожа Димитриди и Пелагея долго обсуждали это странное поведение у мальчика.

– Как? – удивлённо сказала Пелагея. – У него нет папы, да и я весь день на работе, на личную жизнь нет совсем времени!

– Вот я поэтому и забеспокоилась, что же такое с ним происходит, – продолжила учительница.

– Может, он знаком с каким-то мужчиной из нашей деревни, который дурит мальчика? – предположила все возможные варианты.

– Не думаю... – всё тише говорила учительница. – Он папой называет Господа Бога. Ваш мальчик мне сам говорил, что он с Ним разговаривает.

Наступила тишина. Пелагея от сильного удивления замерла, совсем не веря ни ушам, ни глазам, ни словам, ничему.

5. Великая Скорбь

Вечером того же дня. Тимофей был уже дома после прогулки по побережью, а мама вернулась почему-то раньше обычного. Пелагея долго переваривала то, что узнала, и она уже знала, о чём будет разговаривать с сыном.

Мама поднялась в комнату к Тиму, который сидел на полу и играл с игрушками.

– Мама? Что-то случилось? – мальчик поднял глаза на родителя, не понимая, что происходит.

– Тимофей, – у мамы голос стал немного строгим, – спустись, пожалуйста, вниз, я буду тебя ждать на кухне.

– Хорошо, мам, – как только это ребёнок сказал, мама покинула его комнату и уже пропала из поля зрения.

Пелагея сидела уже за столом, раздумывая над тем, что же скажет она своему единственному сыну. У неё был выбор – попытаться понять ребёнка или жестко пресечь фантазии.

Тимофей, как послушный ребёнок, сел рядом с мамой. Первое слово начала Пелагея:

– Скажи мне, Тимофей, кто такой папа? – мягко спросила мама.

– Папа? – ребёнок улыбнулся от воспоминания о Нём. – Папа – это Папа, Он очень меня любит.

– Это понятно, а дальше? – продолжила Пелагея. – Кто этот мужчина? Он из нашей деревни?

Мальчик замолчал, он не знал, как ответить маме. Нависла удушающая тишина.

И эта тишина раскололась на осколки. Дом наполнился криками матери. Она ударила ладонью об стол в порыве:

– Что ещё за мужчина, я тебя спрашиваю? Что ещё за папа? Да я никого вообще не водила сюда, пока ты рос! Ты всё это придумываешь! – Тимофей ещё не слышал, как мама кричит. Он впервые услышал ругань и крик от родной мамы. Мальчик сидел, насупившись, опустив голову вниз. Ребёнок уже слышал такие слова, обращённые к нему – от мальчишек, которые его избили. Его губы тряслись

– Мама, у меня есть Папа! Он есть! – пытался ответить ей мальчик. – Я не вру!

Женщина не слышала его и не понимала, о чем он говорит. Она продолжала кричать. Море злости бушевало в их доме. Но что-то тут пошло не так...

Тимофей внезапно встал со стула, и крики на момент прекратились. Мальчик резко убежал и пропал куда-то, послышался хлопок двери.

Надвигалась гроза. Чёрные тучи заволокли небо над их деревней. Гром грохотал на горизонте. Начался сильный ливень. Мальчик бежал и бежал, сам не зная, куда. Он попал в чащу леса. Проходил через деревья всё дальше и дальше. Одежда вся намокла, обувь вся в грязи. Из-за шквального ливня совсем ничего не было видно.

Мальчик поскользывается и падает в овраг, он сильно ударяется головой и теряет сознание.

Тишина. Белый туман. Тимофей стоит. Уже нет грозы и ливня, лишь белый туман. Вокруг никого нет. Он зовёт Его:

– Пап, Папа!

Из глубины тумана слышится родной голос.

– Сынок! Смотри! Смотри сюда!

Мальчик поворачивается и видит вдалеке белый свет, в котором стоит мужчина в белых одеждах и с белой бородой. Он раскрыл руки, чтобы принять в объятия своего любимого ребёнка – Тимофея.

Рядом с Папой есть и другие дети, тоже в белых одеждах. За ними приглядывал мужчина с тёмными длинными волосами, и прижимал их к себе так, словно это были птенчики.

Мальчик услышал до боли знакомый голос Папы и побежал к Нему в объятия с радостным криком: «Папа!»

Женщина бежала по лесу и не могла найти своего сына. Она звала его, и женский крик раздавался вокруг. Вся в мокрых одеждах и грязи. Мать чувствовала, как тонкие ветки деревьев бьют по лицу, рукам и ногам, но шла дальше.

Внезапно женщина остановилась возле крутого склона, на минуту она пыталась всмотреться в дождевую стену. Ей показалось что-то похожее, напоминающее...

Она в сотый раз позвала своего сына и с неким испугом спустилась по скользкому, грязному оврагу вниз. Там лежало тело мальчика. Она с горьким, безнадежным лицом упала на колени перед своим Тимофеем.

И в сей час раздался женский плач, который ещё долго не прекращался.

«Они оборонились ко Мне спиною, а не лицом; и когда Я учил их, с раннего утра учил, они не хотели принять наставления» (Книга пророка Иеремии, 7:24).

«Накажет тебя нечестие твое, и отступничество твое обличит тебя; итак познай и размысли, как худо и горько то, что ты оставил Господа Бога твоего и страха Моего нет в тебе, говорит Господь Бог Саваоф» (Книга пророка Иеремии, 2:19).

ИВАН ДЕНИСЕНКО

*40 лет, г. Санкт-Петербург**ДЫШИТ ХОЛОДОМ НЕБА ОМУТ...*

Дышит холодом неба омут,
В чёрной бездне горят огни.
Укажи мне дорогу к дому,
Ну, хотя бы чуть намекни.

Словно свечку, звезду затепли
Над священной водой Ковша,
Чтобы крылья мои окрепли
И прозрела моя душа,

Чтобы с сердца сошла короста...
О, прошу – не прими всерьёз!
Это было бы слишком просто –
Жить на свете без бед и слёз.

Я земные моря освою,
Я земные поля вспашу,
По лесам прошуршу листвою,
А Тебя – об одном прошу:

В час, когда я увижу Омут,
Где не будут гореть огни,
Укажи мне дорогу к Дому,
Или просто – чуть намекни.

ЕЛЕНА ДУБРОВИНА

40 лет, г. Воронеж

Рассказ

ЛУЧЕЗАРНЫЕ ЛЮДИ

– Деда, а почему ты всё время меня называешь «солнышком»? Разве я на него похож?

Дедушка отложил газету в сторону, посмотрел поверх очков на внука, подумал-подумал и сказал:

– Когда ты рядом, мне радостно. Видел, как весной природа оживает, любуясь солнышком? С ним становится светло, все цветёт, растёт и радуется. Так и я, глядя на тебя, все время радуюсь.

Сказав это, дедушка улыбнулся и ласково погладил внука по взъерошенной белобрысой макушке.

– Тогда ты тоже солнышко! – воскликнул внук.

– Это почему? Потому что я плесень на подоконнике развёл? – улыбнулся дедушка, припомнив замечание бабушки, она была недовольна тем, что тот устроил дома свой нехитрый огород в виде мокрой ваты с апельсиновыми косточками.

– Потому что я тебе тоже рад! – внук кинулся обнимать дедушку.

Старик коротко засмеялся, а потом вдруг стал серьёзным и сказал:

– Что ж. Званию нужно соответствовать.

– Это как?

– До солнышка нам с тобой ещё далеко. Мы с тобой не умеем делать элементарных вещей, которые умеет делать солнышко.

– А давай научимся! – предложил внук и убежал на кухню. Вернулся он с коробкой спичек.

– Это ещё зачем? – удивился старик.

– Папа говорил, солнце – это огненный шар в космосе. Пойдём в сад? Сделаем большущий костёр! Пожжём сухие листья и старые газетки.

– Забыл, что бабушка сказала? Никаких прогулок, пока не перестанешь кашлять.

– У-у-у,– обиженно надул губы внук. – Так мы с тобой никогда солнышками не станем.

– Почему же? – дедушка усадил внука на колено, а сам начал рассуждать: – Наше с тобой солнышко – это совсем другое Солнышко. Оно не похоже на огонь, который может обжечь пальцы и устроить пожар, – дедушка спрятал спички в карман. – Оно тёплое, светлое и дарит радость окружающим. Оно светит и добрым, и злым. Вот какое наше Солнышко!

– А покажи! – потребовал внук.

Дедушка расстегнул пуговку воротника внука повозился пальцем под рубашкой и, ничего не найдя, спросил:

– А где твой крестик?

Внук умчался. Через несколько секунд вернулся с крестиком на шее:

– Снял, когда купался.

– Не забывай его. А лучше вообще никогда не снимай! – серьёзно заметил дедушка, затем указал на маленький крестик внука и с улыбкой сказал: – Смотри, вот наше Солнышко! Солнце Правды. Это по Его Слову было создано то самое солнышко, про которое тебе папа говорил и которое, действительно, находится в космосе и выглядит, как огненная планета, а вокруг неё вращается наша Земля.

– Солнышко же круглое, – недоверчиво заметил внук, глядя на крест.

– А наше особенное! Видишь, четыре луча исходят от Него? Один в Небо, второй в Землю, третий в правую сторону, четвертый в левую. Эти лучи всюду проникают, во все стороны светят, от них никто и ничто не утаится.

– Деда, наше Солнышко одно, а нас с тобой двое, – заметил внук.

– Верно говоришь, одно. Зато лучиков у него очень много, и все они похожи на своё солнышко. Так и мы с тобой всегда должны стремиться быть похожими на наше Солнышко.

– И чего теперь делать? – не понял внук.

– Как что? Попробуем стать лучиками.

– Это как?

– Это очень не просто! Даже и не знаю, справимся ли? – старик наигранно нахмурился.

– Справимся!

– Тогда пусть это будет нашим секретом. Никому не говори. Ладно?

Внук в ответ кивнул.

– Что делают лучики? – спросил дедушка.

– А, понял, они бегают и прыгают! – внук соскочил с колен и живо продемонстрировал как «лучики» это делают.

– Ну, это конечно можно... И всё-таки не в этом их предназначенье.

– А в чём?

– Как в чём?! Они несут на Землю свет и тепло.

– Я просил бабушку купить фонарик, а она мне носки вязанные... – пожаловался внук и грустно вздохнул.

– Фонарик я тебе свой старенький отдам, но для начала его нужно будет найти в чулане.

– Правда?! – обрадовался внук.

– Правда. А вот, чтобы стать лучиком, фонарик совсем не нужен. Лучикам и батарейки не нужны, они светят пока, горит солнышко. А наше Солнышко вечное!

– Ого! Тогда и мы будем всегда?

– Верно...

– Деда, если я стану лучиком, я буду светиться, как фонарик?

– Верно... Только этот свет изнутри должен идти. Это светлые мысли, светлое настроение. Вот у тебя сейчас какое настроение?

– Хорошее!

– Светлое, значит! Вот и береги это солнечное настроение, а то, как без него светить другим?.. Что ж, пошли, наведем порядок и найдём фонарик.

С этими словами дедушка с трудом поднялся, поглаживая спину и шаркая по полу тапочками, отправился к чулану.

Внук с воодушевлением кинулся помогать бабушке.

Через полчаса в чулане все «нужные» вещи были разложены по полочкам, а не очень нужные пошли в мусорное ведро.

Внук радовался подарку – маленькому фонарику. Он светил им в тёмные уголки чулана со словами:

– Вот здорово: и фонарик нашли, и порядок навели! Деда, а правда, здесь стало светлее?

– И правда, светлее.

В этот момент дверь открылась: из магазина вернулась бабушка. Она поставила тяжёлую сумку с продуктами на стул, а сама с тяжёлой одышкой начала расстёгивать сапоги.

Внук и бабушка невесело переглянулись, потому что заметили, бабушка пришла в плохом настроении.

– Пора действовать! – шепнул дедушка внуку и заговорщически подмигнул.

Внук пожал плечами.

– Что тёплого мы можем сделать бабушке, чтобы её порадовать? – подсказал дедушка.

Внук смекнул и побежал в комнату за тапочками, а дедушка помог снять уставшей бабушке тяжёлое пальто.

– На, бабуль, ты устала, отдохни, а мы с дедой разберём сумку.

Внук попытался поднять тяжёлые сумки, но у него не получилось. Тогда он вытащил молоко и яйца, умчался на кухню, чтобы спрятать продукты в холодильник и вернуться за следующими.

Бабушка с подозрением посмотрела на дедушку: случаем не нашкодили они тут без неё? Она с важным видом прошлась по комнатам и внимательно их оглядела: ваза не разбита, на полу ничего не рассыпано, везде порядок. Тогда бабушка заглянула в чулан: и там порядок!

Тут она вспомнила про апельсиновые косточки на кухонном подоконнике, которые дедушка решил прорастить. Он обернул их ватой и каждый день поливал, дожидаясь росточков, ведь очень сильно хотел порадовать внука своими домашними апельсинами. Только прежде урожая, пророщенные косточки следовало посадить в землю, потом ухаживать за деревцами, вовремя поливать и рыхлить почву.

Бабушка недовольно покачала головой: кусочки ваты с апельсиновыми косточками по-прежнему лежали на подоконнике, кое-где появились зеленоватые разводы плесени, а зёрнышки всё не прорастали.

– Эх, – вздохнула она и начала ворчать: – Опять плесень на подоконнике развёл! Весной, а не осенью проращивать надо! Столько лет прожил, а не знаешь, что осенью вся природа засыпает, только к весне просыпается.

Внук вопросительно посмотрел на дедушку.

– Если я сейчас обижусь, то всё моё светлое настроение потускнеет, тогда наша бабушка никогда не улыбнётся, – шепнул старик внуку, а затем громко сказал: – Дома тепло, вот я и подумал: зёрнышки решат, что настало лето и прорастут.

– Выкинул бы ты их! – буркнула бабушка.

– Может, дать им подумать ещё пару дней? Я их сейчас в новую вату одену. Бабушка пожала плечами.

– Ты отдохни, а мы с дедой сварим борщ. Ты только говори, что делать.

– Да что это с вами сегодня?! – не на шутку забеспокоилась бабушка. Для неё было непривычным наблюдать то, что внук послушный и ласковой, а дедушка в ответ на замечания не ворчит.

– Просто мы хотим, чтобы ты улыбнулась, – ответил дедушка.

– У меня болит голова, я выпью таблетку, лягу поспать, а вы ведите себя тихо! – холодно приказала бабушка.

– Ну, пожа-алуйста, бабуль, улыбни-и-ись, – поддержал внук дедушку.

– Вот увидишь, в доме сразу станет светлее! – продолжал уговаривать старик. – За окном серая осень, а в доме будет весна! Тогда и апельсинчики дадут росточки.

Бабушка в ответ удивленно хлопала глазами и продолжала хмурить брови.

– Эх, видимо, холодная погода заморозила нашу бабулю, без тёплых слов не оттаёт, – вслух решил дедушка.

– Мы тебя любим, бабуль! – произнёс внук светлые и тёплые слова, затем обнял сердитую бабушку, которая вдруг волшебным образом заулыбалась.

– Сейчас я вам блинчиков с яблоками приготовлю! – воодушевлённо сказала она, забыв о недомогании, ей вдруг тоже захотелось поделиться радостью. Она надела фартук и начала торопливо доставать из шкафчиков продукты.

– Деда, а давай маме с папой напишем светлые слова? – внук умчался в комнату за мобильным телефоном. – Пусть и у них на работе тоже станет светлее?

Дедушка начал писать сообщение, проговаривая вслух:

– Улыбнись, не грусти! Пусть тебе в этот пасмурный день светит тёплое Солнышко, и пусть тебя окружают солнечные люди с лучезарными улыбками! С любовью, лучик. (Если улыбнулся – передай письмо другому).

Сидя на скучном совещании, суровый директор взглянул в свой мобильный телефон. Ему пришло сообщение с незнакомого номера. Прочитав, директор не смог сдержать улыбку и отправил сообщение своей жене...

КРАСАВИЦА ОСЕНЬ **или улыбнись и будь здоров**

Сказка для малышей

Однажды вечером в городском парке среди пушистых ёлок, стройных берёз, раскидистых клёнов и широких кустов орешника прогуливалась Осень. У неё была большая корона из листьев и длинное золотое платье, украшенное рябиной, ароматными яблоками и грушами. Осень улыбалась и раскрашивала листья на деревьях жёлтой, красной и оранжевой краской. Деревья радовались своим новым нарядам. Только ёлки оставались по-прежнему зелёными: слишком уж у них колючие иголки.

Мимо пробежал Коля. Он каждое утро умывался холодной водой, а вечером бегал в парке трусцой и делал зарядку, потому что хотел быть

сильным и здоровым. Мальчик остановился возле клёнов и залюбовался: их жёлтые резные листочки светились так ярко, будто их освещало солнышко. Маленькая Лужица под деревьями, была тоже очень нарядной: она, будто в зеркале, отражала Осень и очень радовалась этому. Вся природа вокруг благоухала и улыбалась Небу, а Небо бездонной синевой улыбалось в ответ.

Осень готовила природу к холодам: вот скоро завьюжат вьюги, на крышах вырастут большие сосульки, а мороз распишет окна кружевным орнаментом, но в это утро, погода была ласкова и приветлива. Прекрасная и тихая, природа безмолвно творила вечернюю молитву, воздавая хвалу своему Создателю.

Коля глубоко вдохнул аромат пряных листьев, и улыбка озарила его лицо, на душе было радостно и спокойно...

Только злюка Грипп сердито фыркал. Он не любил красоту, потому и жил среди мусора, в урне, стоящей возле лавочки. Ему совершенно не нравилось, когда кто-то радовался. Он выглянул из своего убежища, и его лохматая серая мордашка напугала Колю.

– Ты кто?! – удивился мальчик.

– Господин Грипп, собственной персоны, – гундоса ответил Грипп и важно подбоченился. Он был маленький, ростом со спичечный коробок, и, чтоб казаться выше, встал на край урны и сердито добавил: – Чего ты меня не боишься?

– Вот ещё, грибов бояться, – улыбнулся Коля.

– Я тебе не гриб в лесу, а опасный грипп в носу! – сердито фыркнул Грипп. – Не слышал что ли? Болезнь такая. Вот захочу, и все-все сейчас же заболеют!

– Вот чудак! Я закаляюсь, делаю зарядку, мою руки после прогулки и ем фрукты, в них много витаминов, а значит, тебе меня не одолеть! – улыбнулся Коля.

– Чему ты радуешься, хвастунишка? Или ты не знаешь, какой я силач? – воскликнул Грипп, подпрыгнул и чуть не упал с края урны.

Мальчик засмеялся.

Тогда Грипп разозлился и крикнул Луже:

– А ты чему радуешься?! От тебя одна только сырость!

Лужа обиделась и превратилась в грязь.

– А ты чему радуешься? – заворчал Грипп, глядя на Осень. – От тебя только холод и жухлые листья.

Осень перестала улыбаться, подняла сильный ветер своими широкими рукавами и закружила разноцветные листья, беспощадно срывая их с де-

ревьев. Деревья тоже заметно приуныли. Небо посмотрело на сердитую Осень и пасмурно нахмурилось. Глядя на это, у Лужи совсем испортилось настроение, и она превратилась в большую чёрную Тучку. Ветер подхватил её, начал трепать и толкать. От обиды Тучка раздулась и стала такой большой, что ею заволокло всё Небо. Небо, недолго думая, заплакало от грусти мелкими холодными слёзами.

Коля спрятался от дождя под дерево. Только из-за сильного ветра на нём почти не осталось листьев, поэтому мальчик промок, замёрз и простудился.

Грипп начал прыгать по краю урны, довольно приговаривая:

– Так вам и надо! Болейте, унывайте, грустите и сопите!

Вдруг Грипп поскользнулся, упал, закатился под кусты орешника, испачкался в грязи и вымок в луже.

Коля от души рассмеялся:

– Ну и силач!

Грипп в ответ только чихнул.

– Эх ты, не желай другим плохого, тогда у самого всё будет хорошо! – заметил мальчик.

Грипп заплакал. Он уже не выглядел важным и сердитым, а совсем крохотным и несчастным. Тогда Коля пожалел беднягу и накрыл его кленовым листочком.

Вдруг Грипп превратился в Гриб! От дождя он начал расти и расширяться, а его наряд становился всё краше и краше. У него появилась красивая масляная шапочка, которая ему очень понравилась. Гриб обрадовался и заулыбался.

Коля снова засмеялся – и вдруг почувствовал себя здоровым! Глядя на мальчика, Небо тоже улыбнулось, а вместе с ним и Лужица, а потом и Осень. Весь мир вокруг преобразился, засиял солнечными улыбками, будто это не осенний вечер был, а летний день.

Коля решил сегодня обязательно навестить друга Никиту, который уже третий день не ходил в детский садик, потому что был простужен. Мальчик подумал, что в подарок нарисует осенний парк с жёлтыми клёнами, с лужей, с большим грибом и с синим небом, а самое главное, – непременно развеселит друга, и тот обязательно поправится. Ведь Коля теперь точно знал: улыбка самое сильное лекарство против гриппа и простуды!

ВАЛЕНТИНА КОТИК

72 года, г. Назарово Красноярского края

БРОЖУ Я В ДОМЕ ОПУСТЕЛОМ...

Брожу я в доме опустелом.
Его покинул я давно!
Пустые стены пахнут мелом
И покосилось в нём окно.

И ставни тоже покосились
Прогнили доски на полу.
И вспоминаю, как носились
По дому дети поутру.

И пахло печкой и блинами,
И за столом сидел отец.
И радость дома вместе с мамой
Переполюняла семь сердец.

Семья у нас была большая,
Но небогато жили мы.
Здесь тишина теперь немая,
Отца нет, мамы – нет семьи.

ЕВГЕНИЙ ЮШИН

64 года, г. Москва

В СТАРОМ ДОМЕ

Как прежде ровен статных сосен шум.
Года – прошли, скорее – пролетели.
Я в дом вхожу, как будто в старый трюм –
Давно корабль уплыл от колыбели.

Но свет избы, желанный и родной,
И пятна солнца на полу дощатом
Все эти годы прожили со мной
И в трудную минуту были рядом.

Какой потерей полнится душа!
Как будто я стою на пепелище,
И вот душа всё что-то ищет, ищет.
На месте всё – и нету ни шиша.

Вздохнут сиротски форточка и дверь,
И по-сиротски скрипнет половица.
Они теперь до смерти будут сниться
Средь горьких неминуемых потерь.

Кровать, сундук и вековая пыль.
Не возвращайтесь в детские просторы!
Пусть давние леса твои и горы
Живут в тебе, как прожитая быль.

Но как влечёт в родимые места!
Как хочется из мира нажитого
Попасть туда, где у крыльца родного –
Отец и мать,

и жизнь твоя – чиста.

Я РОДИЛСЯ, КАК ВСЯКИЙ РУССКИЙ...*Сергею Никоненко*

Я родился, как всякий русский,
За рекою, за лесом – там
Облака голубой капустой
Плавно катятся по волнам.

Там у нас пузыри в кадушках,
И за плесами, за мостом
Мечет солнце икру по кружкам,
Бьёт стерлядка косым хвостом.

Разойдись, расступись, столица!
В мире каждому ведом рай.
Дайте родиной насладиться,
Накружиться средь птичьих стай!

Там, за дальними небесами,
Где медведи пасут коров,
Я услышу хоры Рязани,
Словно гулкую в жилах кровь.

Что за песня? Пойду я следом
И прислышится невзначай:
Тихо бабушка шепчет деду:
Люльку с мальчиком покачай. –

Это я там проснулся, что ли?
И закружится потолок,
И застонет в копытах поле,
И в глаза полетит песок.

Эта скачка на смерть похожа.
Жжёт десницу звезда полей.
И – ножом по ухмыльной роже –
Пляшет во поле Челубей.

Мы такое не раз видали:
Луч у ворона на крыле

И рязанские свищут дали
На ордынской, дрожа, стреле.

Русь! Пора за себя, за брата
Постоять, разогнать чертей!
Эко пашня твоя разъята!
Эко мутен стал твой ручей!

Я кричу! Я вздымаю руки,
Поднимаюсь на смертный бой!
... Дед спросонья качает люльку,
Шепчет бабушка: – Спи, родной. –

Их любовь мне и рай, и лето.
Сердце бьётся ровней, теплей.
Так спасибо, Господь, за это,
На душе мне теперь светлей.

Вот идут косари туманом,
Растворяют себе простор.
И татарник по злым бурьянам
Мёртвый падает под бугор.

Время движет, снега несутся,
Рвут столетия, в прах круша.
Но не может душа проснуться,
Как не может уснуть душа.

В этом снеге француз и немец
Опочили в полях Руси.
Шепчет бабушка: – Спи, мой месяц.
От лихого тебя спаси.

Я люблю этот край подсвешный,
Где на взгорок через луга
На молебен рядком неспешным,
Как монахи, идут стога.

Я люблю эту дымку, заводь,
Золотое урчанье пчёл.

Грозной тучи ржаную память
Я по этим полям прочёл.

Но и в зиму, где зори в дрожи
Глухариную алят бровь,
Повторяю: спасибо, Боже,
За дарованную любовь.

О ЛЮБВИ СКАЗАТЬ ЕЩЁ ЖЕЛАЮ...

О любви сказать ещё желаю,
О своей негаснущей любви
К снегом запорошенному краю,
К сёлам, почерневшим на крови.

К этой вот истоптанной дороге,
К трепету весеннему реки,
Потому что на земле не многим
Святят изб родные огоньки.

Всхлипывает лодка у причала,
Яблоня касается руки.
Мне ночная птица прокричала,
Что дороги к детству далеки:

Через дымку сумрачных вокзалов,
Через кровь успехов и потерь,
Через холод ложных пьедесталов –
Ко всему, что дорого теперь.

Этот путь, быть может, в жизнь длинною.
Но за весь раздрай и непокой,
Может быть, едва глаза прикрою,
И увижу маму молодой.

СВЕТЛАНА ПЯТИБРАТОВА

*34 года, г. Белгород**Рассказ*

ТОТ САМЫЙ ИЮЛЬ...

Я открыла глаза. Пока взгляд привыкал к темноте, несколько минут просто лежала на огромном раскладном диване, греясь под толстым одеялом и покрывалом с цветастым рисунком.

Крытую веранду бабушкиного дома объявила тогда своей территорией. Всё было на месте! Белые занавески на окнах, висевшие, сколько я себя помню. Сквозь дырочки их кружевного плетения пробивалась предутренняя чернота. Лишние табуретки стояли у стены, которая, в свою очередь, была увешана непонятными для меня вещами: старыми фуфайками, капроновыми колготками, набитыми луком для просушки. Самая захватывающая штука – был кнут!

Мысль, от которой я моментально подскочила, выбравшись из тёплой, уютной норки: «Ура! Не проспала! Проснулась вовремя. Значит, пойду с крёстным пасти коров». Шорты и футболку натянула, не помня себя от радости. Вылетела в сени: полпятого утра на часах. В груди колотилось сердце, предчувствуя приключение. Даже гордость появилась, что в свои одиннадцать лет сама встала так рано.

Крёстный Костя стоял у порога, собранный и, как всегда, весёлый. Увидев меня, широко улыбнулся. В его глазах мелькнула искорка удивления. Он просто сказал:

– Пошли! – и открыл дверь в июльское утро.

Тепло, накопленное за ночь в снях, вырвалось паром на прохладную свободу в появившийся проём. Рассвет только начал отвоёвывать небо у ночи. Мои ноги и руки покрылись мурашками. У солнца ещё не было силы.

Наша бело-рыжая корова Мила спокойно стояла на привязи в стойле. Ждала пока отвяжут. Коровья спина вздрагивала. Хвост взлетал к бокам, отгоняя мух и оводов. В утренней тишине было слышно её ровное дыхание. Я подошла. Лицо оказалось на уровне её большого мокрого носа, ноздри раздувались, тепло выдоха коснулось моих щёк.

На центральный деревенский луг – место сбора, шли втроём: я, Костя и Мила. Солнце к этому моменту заняло боевую позицию на небе. Чёрно-бело-рыжее стадо ждало своих пастухов, утюжа мордами траву под собой. Я шла, наслаждаясь моментом. Впитывала солнечные лучи, собирала голыми ногами росу. Безветренное утро, бескрайний голубой небосвод без единого облака накрывал мир, который я могла охватить взглядом.

Десятки коров, подгоняемые нами, двинулись по грунтовой дороге к далёкому пастбищу. Пыль мягким облаком окутывала мои кеды при каждом шаге. А крёстный шутил, улыбался глазами, мы болтали о смешных вещах, удаляясь в неохватные деревенские поля.

Наши силуэты постепенно превратились в пляшущие цветастые точки в дали. За спинами мы оставляли дома соседей, огороды, покосившиеся сараи, лающих за заборами собак. Петухи и куры заматали наши следы на грунтовке, разрывая лапами земляную пыль: искали червей и семечки.

Рогатая пятнистая процессия, подгоняемая нами, держала путь к небольшой извилистой реке. Сочная трава изумрудным бархатом покрывала её берега, набирала силу под мягкими лучами июльского утреннего солнца. Коровы зарывали свои морды в эту зелёную свежесть, нагуливали круглые бока. Разбредались по лугу. Прятались от дневной жары в прохладных водах речки. Мы зорко следили за животными.

Вечером все вернулись домой. Бабушка уже ждала нас. Как всегда, доила Милу. Полное ведро тёплого парного молока! Я тут же выпивала огромную кружку, наслаждаясь его ароматом и вкусом. Кошки были тут как тут. Тёрлись и выплясывали свой хитрый танец под ногами, выпрашивая свою порцию. А на следующее утро на столе меня будет ждать ароматная молочная каша, дымящиеся оладьи и блины со сметаной, стакан прохладного коровьего молока. Всё, что я так люблю!

АРТЁМ ПОПОВ

39 лет, г. Северодвинск Архангельской области

Рассказ

ПРИЛЕТИТ ВДРУГ ВОЛШЕБНИК...

Всегда так бывает: ищешь какую-то нужную и важную вещь и никак не можешь найти. Не помогает даже «Чёрт-чёрт, пошутил да и отдай!»

Эту магнитофонную кассету я давно не мог обнаружить в своей старой квартире. Только при переезде она счастливо нашлась. На этой кассете записана бабушка Саня, которой уже нет с нами тридцать лет. Вся большая семья – дочери с мужьями, внуки приезжали к ней на всё лето в деревню. Дядя Валера брал с собой магнитофон и как-то раз записал наши голоса, чтобы вспомнить зимой, а оказалось – запись сохранила их на много-много лет...

И вот ценная кассета в моих руках. Старых магнитофонов уже не найти, на «оцифровку» ленты ушёл целый день. Но что такое один день и тридцать лет?

Кликаю на ноутбуке нужный файл и... Шебуршание. А потом звук:

– Аты-баты! Шли солдаты
Аты-баты! На базар.

Это дядя Валера командным голосом поёт детские стишки. Сам он служил в милиции.

– Он сказал интелесно! – чей-то картавый голос у магнитофона.

– Сейчас будет говорить мой лучший друг – Тёма! – объявляет дядя Валера.

– Я иглаю на галмошке
У плохожих на виду,
К сожаленью, день ложденья
Только лаз в году-у-у!

Неужели этот пискля – я?! Никак не могу соотнести голос с собой.
Подумалось: почему всем детям нравится петь?

Дядя Валера любил возиться со мной.

Помню такую весёлую историю. В то же лето или годом позже соседский мальчик Андрейка часто к нам прибегал поиграть машинками. Он на пару лет старше, чем я. Андрейка любил взрослые песни из репертуара популярной (слово «модной» тогда не употреблялось) Валентины Толкуновой. Особенно маленькому мальчику нравилась песня «Я не могу иначе» со словами «Где-то жалейка плачет». Мы так и прозвали Андрейку – Жалейка.

Однажды дядя Валера решил пошутить над Жалейкой или, может, он просто устал от такого детсадовского исполнения.

– Тёмка, копай-ка ямку. Сейчас мы Жалейку закопаем!

На этих словах Андрейка перестал быть Толкуновой и с плачем кинулся домой, только голые пятки сверкали по ярко-зелёной траве.

Кстати, у Андрея, с которым спустя много лет снова дружим (нет, пауза произошла вовсе не из-за той шутки дяди Валеры), по-прежнему любимая певица – Валентина Толкунова.

Тем временем к магнитофону дядя Валера пригласил нашего родственника и одновременно соседа – Леонида Ивановича. Он ещё тот был бухтинщик!

– Леонид Иванович, иди сюда!

Для деревенского жителя магнитофон был в диковинку, а тут ещё записать. Леонид Иванович напрягся:

– А зачем?

– Да поди, не бойся! За тобой – интервью.

Вот выдумщик дядя Валера: не песня, так интервью.

– Рассказывай, чем сегодня занимался?

– Картошку окучивал.

– Что ещё делал?

– Колбасу ел.

Дядя Лёня, кажется, принял игру.

– Ну, что ещё?

– Матюкался!

– Вот молодец!

Дядя Валера добился, чего хотел. Интервью получилось.

– Кушать подано, просим жрать!

Это тётя Рита, жена дяди Валеры, прерывает запись. Она работала поваром в обкомовской столовой. Как-то наливая суп первому секретарю партии, который ей симпатизировал, пожаловалась на холод в квартире, из-за чего её маленькие дети часто болели. Вечером пришла домой – в норковой шубе начальник ЖКХ лично регулирует батареи в квартире. Больше проблем с отоплением во всём доме не было.

После перерыва дядя Валера снова донимает кого-то – к нам часто заходили соседи.

А-а, это тётя Маша...

– Тётя Маша, как здоровье?

– Сегодня хорошо, а завтра худо. С утра встаю плохо. Целый час разломаюсь. Потом по улочке похожу, поработаю – и слава Богу.

– А дедко не беспокоит? – подмигивает дядя Валера.

– Надаю поленом, так не беспокоит.

– А аппетит-то как?

– Хороший.

– Ну, значит, долго проживёшь!

Тётя Маша пережила своего дедка и младшего сына. Её схоронили на болотистом северном кладбище, вдалеке от дома, куда уехали все дети.

Вместе с дядей Валерой и его детьми запеваем любимую шуточную песню:

– Три танкиста выпили по триста,
А четвёртый – полное ведро.
Три танкиста шли домой шатаясь,
А четвёртый на карачках полз.

Все смеются.

Дядя Валера служил в танковых войсках. Я всегда поминаю его в День танкиста. Дядя Валера умер дома, в кресле, в окружении своих родных, внучек. Пацана он так и не дождался. Тётя Рита сажает на его могилке самые редкие для сурового северного климата цветы...

– Выступает бабушка Саня! – объявляет мой брат Рома.

– Ой, не знаю, что и спеть-то. Может, и не надо.

Но мы-то знаем, что бабушка любит и умеет петь. Просим, не отступаем:

– Ну, бабушка!

– Во поле берёза стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Люли-люли стояла
Люли-люли стояла...

Бабушка поёт так, что все замолчали. Тянет гласные как нить в веретене, как тянется долгая северная зима.

– Тяжёлая песня, – признаётся.

– А ты давай частушки! – предлагает дядя Валера.

– А я маленькая, а я худенькая,
Повернулась на кругу –
Не помешала никому!

«Не помешать» – так жили наши бабушки-дедушки. Скромно. Тяжело. Но весело, с песней. Бабушка Саня подняла четверых дочек одна. Муж, мой дедушка, умер, когда младшая не умела ходить, а старшие учились в школе. Больше замуж бабушка Саня не вышла.

– Я и так, я и сяк,
Я и зайчиком,
Почему не поплясать
С этим мальчиком?

Эта частушка бабушки посвящалась мне.

– А теперь давайте вместе споём! – дирижирует дядя Валера.

– Только выпей молочка парного, – успевает вставить мама. – Хоть маленькую кружечку.

Зубы, нёбо помнят этот вкус нелюбимого парного молока...

– Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой...

С бабушкой поют все четыре внука, только у самого младшего, то есть у меня, получается «расцветали яблони и груши».

И не было счастливее нашего хора.

Песня продолжается, а слёзы текут, не останавливаясь.

...Последний раз я видел бабушку Саню той же зимой. На Новый год она упростила всех нас в полном летнем составе приехать в деревню. Встретила в аэропорту на машине-летучке, как на такси. Так называли грузовую машину с фургоном для ремонтной бригады, наверное, потому, что она должна быстро перевозить рабочих к месту аварии. Но «лететь» по деревенским дорогам не получалось, даже зимой.

...31 декабря, мороз за тридцать. Толку от раскалённой буржуйки в железном фургоне мало. Бабушка «для сугреву» взрослым наливает белянкой, нас закутывает с глазами в одеяла. По полу «летучки» гремит железная цепь.

Приехали... Тёмная зимняя ночь в деревне. Долго не ложимся спать. Бабушка молча слушает нас, наши нехитрые новости.

– Мама, давай спать! – говорят уставшие с дороги дочери.

– Да посидим ещё маленько. Не наговорились...

Бабушка чувствовала, что это может быть один из последних разговоров: она тогда уже болела, но нам не жаловалась. Они никогда ни на что не жаловалась. Той зимой похудела, что было верным спутником смертельной болезни.

– Только бы умереть, да вас не намучать, девки.

– Мама, что ты говоришь! – заругались дочери.

Трещат от мороза углы в доме, пугают ребятишек. Воеет недобрую песню в трубе ветер...

В следующий раз бабушка собрала дочерей в конце марта. Хоронили в её день рождения. Скоротечный рак печени.

В тот зимний приезд на Новый год меня не выпускали на улицу – так было морозно. Тётя Рита научила меня вырезать из бумаги снежинки. Все окна были ими заклеены. Чем ещё было заняться, когда не было телевизора в нашем деревенском доме. А бабушке некогда было его смотреть – большое хозяйство: корова, овцы, которых мы называли почему-то маси, свинья, куры...

– Бабушка, купи телевизор, – попросил старший брат.

– Куплю, дитятко!

Когда летом мы приехали в деревню, телевизор стоял на комоде. Нераспакованный. Посмотреть его бабушка Саня так и не успела...

– Плилетит вдлут волшебник

В голубом велтолете

И бесплатно покажет кино-о-о...

Магнитофонная запись продолжается. Как дорого я бы дал, чтобы этот волшебник превратил магнитофонную запись в «картинку» и я бы увидел всех хоть на миг живыми – бабушку Саню, дядю Валеру, Леонида Ивановича... И запел бы с ними любую песню.

Тридцать с лишним лет не слышно голосов в нашем деревенском доме. Пустует изба, окна всё ближе к земле, туда, куда ушли её хозяева. Отрезанные электриками провода бьются о чёрные стены, пугая случайно оказавшуюся в доме мышку.

...Мой ноутбук негромко гудит от напряжения, а я всё слушаю, вновь и вновь включая закончившуюся запись, и эти песни наполняют мою городскую квартиру и меня – до самого сердца, до всех прожилок...

АЛЕКСАНДР ПУСТОВОЙТ

60 лет, д. Малахово Одоевского района Тульской области

МЕЖ ЗАНАВЕСОК...

Меня разбудит шёпот мамы
Близ васильковой тишины;
Меж занавесок в створе рамы
Туман разглаживает ямы
В ладонях отчей стороны...
И, допивая мёд видений,
Я осязаю запах рук
С теплом родных прикосновений,
Через порог в сухие сени,
До умывальника... на стук...
Уже страдающего лета,
В отбитых косах нараспев
И повествующего деда
В шагах устойчивого следа,
Отца локтями подперев...
Стремглав к обеду соизволю
Кувшин с томлёным молоком
В свою порхающую долю,
На сенокос, как в счастье с солью,

Под ивы с мятным холодком...
В судьбу желтеющей соломы,
В мечту потерянных подков,
Ворвусь в околицу истомы,
Дроздом в ольховые хоромы,
Утратив жажду с трёх глотков...
Коль ветер балуется с эхом,
Сестрёнке в мягкий кулачок
Вложу созвучие из смеха,
Как послевкусие успеха,
С алмазной крошкой пяточок...
В лепнине неба мысли стынут,
Глаза – в немыслимую даль,
Ложится ночь ко мне на спину,
Луна зажгла свою лучину,
Спустив на тесто в звёздах шаль...

НАДЕЖДА КУТУЕВА

64 года, село Ольховка Ольховского района Волгоградской области

Рассказ

В ЧУДЕСНОМ САДУ

В глухом степном посёлке, сообщающемся с райцентром заметённой мартовскими метелями, а потом расхлябанной редкими оттепелями и от этого непроезжей дорогой, приключилась беда: тяжело заболели дети. В то утро они вместе с родителями отправились согласно пасхальной традиции на кладбище. Сначала собирали на могильных холмиках крашенные луковой шелухой яйца, печенье и конфеты, а потом взрослые потянулись своей компанией праздновать дальше, а детям разрешили катать яйца и играть неподалёку от кладбищенского забора, на пологом дне подсохшего на промозглом ветру оврага.

Дети повеселились и наигрались от души, и вскоре пасхальные яйца и крохотные куличи, украшенные белоснежными шапками гоголя-моголя, были съедены. Солнце, с утра радовавшее всех своим благосклонным светом, поспешно спряталось за низкими тяжёлыми тучами, и сразу стало сумрачно и холодно. Старшие засобирались домой и ушли гурьбой в сторону села, отважно перепрыгивая по пути через размытый половодьем ручей. А шестилетняя Полинка и её двоюродный брат Антон остались – уж так не хотелось им возвращаться домой, где теперь уже нетрезвыми голосами тянули свои бесконечные застольные песни их родители. Да и перепрыгнуть через ручей малышам было не под силу – утром через воду их переносили взрослые.

Когда стало совсем холодно, брат и сестра решили подняться наверх по склону оврага, но хлипкие кустики прошлогодней травы, за которые они цеплялись покрасневшими от холода ручонками, вырывались с корнем, а ноги вязли в тяжёлом сыром песке, который налипал на ботинки и разъезжался под ногами.

Вконец обессиленные дети присели прямо на холодный песок и решили рассказывать друг другу разные смешные истории до тех пор, пока о них не вспомнят родители.

А родителям было не до того – гулянка удалась на славу, и уже не одна бутылка мутного самогона закончилась, и пасхальные яства были съедены, когда они наконец-то спохватились, что дети до сих пор не пришли домой.

Был уже поздний вечер, ветреный и сырой, когда дядька Петро обнаружил в неприветливом тёмном овраге двух замёрзших до посинения воробышков и, схватив сразу обоих за воротники пальто, вытащил наверх. Растирания самогоном и укутывание пуховыми платками им не помогли, и к ночи у Антошки поднялась температура до 39 градусов и отнялись ноги, а у Полинки температура была за сорок, и она впала в беспамятство.

Единственный на всё село фельдшер Иван Маркелович бегал из одного дома в другой, стараясь помочь горящим в жару детям. Попутно он рассказывал обезумевшим от горя родителям, что давно уже составляет список пострадавших от спиртного односельчан, многие из которых уже отправились на тот свет.

Родители Полины и Антона были работающие и добросердечные, но вот такая оказия с ними приключилась – любили они шумные компании да праздники...

Бесконечные уколы и таблетки сделали своё дело, и жар у Антона стал спадать, а вот Полинке ничего не помогало. Дорога в райцентр была по-прежнему непроезжей, и Иван Маркелович сказал её родителям:

– Если на третий день температура не нормализуется, то готовьтесь к худшему.

...Деревья были необычно высокими и прямыми, мягкая изумрудная трава нежно щекотала босые ноги. Мальчики и девочки, красивые, словно ангелочки, бегали по этой траве, играя в прятки. Полинка заливисто смеялась, убегая от подружек и прячась от них то за кусты, то за дерево. Тело было необычайно лёгким и невесомым, и всё её существо переполняла безмятежная радость. Вдруг она увидела голубую стрекозу, которая опустилась на огромный роскошный цветок рядом с девочкой. Стрекоза, видно, тоже хотела поиграть в прятки и смотрела на Полинку прозрачными внимательными глазками. Солнца не было видно, не было и ветра – ветки деревьев не шевелились.

– Дети, хватит играть, вам уже пора идти к обедне, – сказал невесть откуда появившийся печальный юноша в длинных одеждах, подпоясанных тонким ремешком. Его русые волосы были перевязаны лентой.

– А ты, девочка, не спеши, тебе надо вернуться домой, – остановил он бегущую вслед за подружками Полину.

Картины
Ханса
Зацки

– Я хочу остаться здесь, здесь так хорошо и пахнут цветы, у меня совсем не болит горло, и я хочу подружиться со стрекозой!

– Но ведь мама без тебя плачет!

Полинка призадумалась.

– А как я вернусь?

Юноша подвёл её к краю чёрной, с обвалившимися краями ямы:

– Просто надо прыгнуть в эту глубокую яму. Сейчас тебе страшно, но потом страх пройдёт, ты просто полетишь и затем почувствуешь под ногами твердь.

...Она и на самом деле полетела легко и невесомо, а потом, ударившись обеими ногами о землю, вдруг почувствовала, как дико болит голова, как першит воспалённое горло. А ведь совсем недавно, на этом чудесном лугу, у неё ничего не болело! Полина с трудом открыла глаза и увидела сидящую у её постели мать – наверное, та совсем обессилела от плача и рыдала почти беззвучно, а слёзы беспрестанно лились из её глаз.

– Почему ты плачешь? – спросила Полинка, но мать не услышала её, потому что от трёхдневного забытья и голодания сил говорить громко у девочки не было.

– Хочу пить! – прошелестела она, и мать, наконец, услышала её и поднесла к пересохшим губам дочери кружку. Полина жадно глотала воду, а мать, словно очнувшись, зарыдала в голос.

– Я сказал мужикам все размеры и доски отнёс, сам не могу его делать, – в комнату зашёл отец, работавший плотником в бригаде.

– Уже не надо, она пришла в себя, – сквозь рыдания проговорила мать, глядя, как Поинка, не отрываясь, пьёт воду из кружки.

– А теперь посплю, – сказала она родителям, поворачиваясь к стене, – я ведь так устала.

...Целый год Полина мучила мать и отца просьбами отвести её в тот чудесный сад, в котором она играла с красивыми беззаботными детьми и из которого не хотела возвращаться. Слушая её, старушки шептались между собой:

– А ведь дитё, похоже, в райском саду побывало!

Потом она пошла в школу и забыла про чудный сад, жила обычной жизнью, как и её сверстники, хотя и была не по годам серьёзной и рассудительной. Они с Антоном учились в одном классе, потому что мальчик из-за болезни остался в первом классе на второй год. Брат и сестра сидели до выпускного класса за одной партой и были очень дружны – ведь несчастье объединяет.

И только в пятьдесят лет Полина снова вспомнила то необычное происшествие, приключившееся с ней в детстве, это случилось во время её паломничества по святым местам, в Дивеево.

ЕЛЕНА ЛОБЫЗЕНКО

38 лет, г. Москва

Рассказ

ДУША НА ДВОИХ

Я не помню своей жизни без него. Он всегда был рядом.... Когда меня привезли из роддома, он встречал меня детской искренней улыбкой и восторгом. Правда, позже... он тыкал мне в глаза пальцем и кричал: «Кукла!» А ещё он отбирал у меня соску-пустышку, затаскивал её себе в рот и прятался за занавеской, пока я истошно орала.

Я тоже его первое воспоминание, ему было полтора года, когда я родилась, а детская память начинает работать с трёх лет. Мы росли вместе, мы брат и сестра, мы погодки.

Когда я научилась ходить, у нас начались первые детские драки. Мы не могли поделить игрушки, поделить книжки, карандаши и весь этот мир.

В четыре года я уже гуляла под его присмотром и всегда, только с мальчишками. По сути, лет до девяти-десяти, у меня не было девочек-подружек.

Он учил меня давать сдачи мальчишкам, правильно строить шалаши и плавать... Мы жевали смолу с деревьев, ели обожжённые голубиные пёры, жгли костры, лазили на крыше.... Этот список бесконечен...

Помню, как в младшем школьном возрасте мы завели домой двух огромных дворняг, пока родителей не было дома. Они покушали и не захотели уходить. Легли подремать на любимый мамин палас, грязные собаки, которые постоянно чесались от блох. Чтобы их «выкурить» из квартиры, мы скормили им все мамины котлеты, но они оказались хитрее нас. Доходили до двери, а дальше, ни в какую. Потом мы, со всей нашей детской безмятежностью, побежали гулять. Представляю, что чувствовала наша бедная мама, когда зашла домой и услышала грозное рычание. Собаки охраняли территорию. Ей пришлось звать соседа на выручку...

Однажды, когда мне было пять, а брату шесть лет, мы ушли с нашим общим товарищем детских игр на его дачу, за пять километров от дома. Там нам было очень весело, мы ели соседскую клубнику, зелёный горошек, пытались сделать салат из редиски, а ещё купались в ржавой бочке. Мне было стыдно купаться в трусиках перед мальчиками, и поэтому я

залезла в бочку прям в своём белом костюме, который после этого стал бежевым... Как нас не убила мама, разыскивая пропавших детей по всему району...

Мы умели весело играть и неистово сориться, всегда с жуткими драками. В подростковом возрасте наши эмоции были накалены до предела и ругались мы ещё более ожесточенно. А затем, нас словно «перещёлкнуло» и мы стали отлично общаться. Наши друзья стали общими. О как весело мы всегда кутили.

Я рано вышла замуж, но брат часто приходил к нам в гости. Он всё время был рядом. А через некоторое время нам с мужем стало тесно в нашем городе и мы уехали...

Мы, конечно, созванивались, но не часто. Всех закрутила «бытовуха», дети, работа, проблемы. Но я всегда знала, что он есть у меня и для этого совсем не обязательно было часто видиться. Мой сын обожал дядю, любил ходить к нему в гости, когда мы приезжали в город детства. Вспоминаю, наши душевные вечера: я, брат, сестрёнка, мой сын, его малыш и наши половинки. «Клан в сборе!» – всегда думала я, когда мы были все вместе.

А потом... Привычный мир рухнул... Раскололся на миллионы осколков, потерял краски и превратился в ад... Я узнала, что брат неизлечимо болен. Мозг отказывался верить, цеплялся за призрачную надежду, душа выла, сердце болело каждый день!

Я летала к нему, помогала, подбадривала, звонила почти каждый день. Искала выход. А его не было... Мы прошли многое за те полгода, его чёрную депрессию, отрицание, злость на весь мир и наконец-то принятие...

Вспоминаю, как в последний свой приезд мы сидели в нашей квартире, где прошло детство, в родном доме, где все было сделано его руками, ремонт, поделки, всякие «вкусные» штучки и говорили... Нас оставили одних в маленькой кухоньке, и тогда я первый раз в жизни сказала брату, что люблю его. А после он спросил: «А может это неправда? Может я не умру? Ведь, одна бабка нагадала мне длинную жизнь. Как ты думаешь, может, я долго проживу?» Я мотала головой, подавляя всхлипы, даваясь солёными слезами и шептала: «весна, весна, весна...» Я чувствовала, я знала...

В апреле его не стало... Такова жизнь, таков наш мир, таков закон «сансары»: никто не вечен под луной, просто у всех свой срок... Мне мучительно тяжело, но я принимаю это... Я продолжаю жить, только теперь за двоих, ещё ярче, ещё мудрее, творя больше добрых дел.

Я вижу отражение брата в его детях, в моем сыне, в нашем отчем доме. Он ушёл.... Но он рядом... Я чувствую его всегда... Чувствую душой...

СЕРГЕЙ КОРЧНЕВ

55 лет, г. Вологда

ОТЧИЙ ДОМ

На ветке, рядом со скворечником
поёт вернувшийся скворец.
Берёза, как опора вечности,
облокотившись на венец,
вросла ветвями в стены старые,
скрипит и слышен в скрипе том,
приход весны, воронье карканье
и то, как жалуется дом –
ворчит беззубою калиткой,
и звук несмазанных петель,
уносит вдаль нестройной скрипкой,
неоперившийся Апрель.

Мой дом, как странник утомившийся,
сел на крыльцо одной стеной,
и краска с окон облупившихся,
как верхний слой берестяной,
роднит его с подругой белой
и с заселившимся скворцом,
и он так рад, благословенно,
скрипеть берёзе в унисон.

Сломались ставни вековые,
уже лет тридцать – не у дел.
Ты для кого глаза пустые,
не в ту дорогу проглядел?

Ты распахнул свои пенаты,
но лишь сквозняк ночует в них,
а на берёзах, у пернатых –
там нет скворечников пустых!
Поёт скворец, ведь птицы знают –
нигде нет Родины родней,
а люди – клином улетают,
туда, где лучше и сытней...
Сегодня в небе новоселье –
так у скворцов заведено,
и дом живёт их птичьей трелью,
хотя в нём жизни нет давно.

ВЛАДИМИР ГУЛЯЕВ

*62 года, г. Барнаул**Рассказ*

НЕ ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

События происходили в годы освоения целинных земель. После окончания профтехучилища молоденькая девушка, новоиспечённый фотограф, получила распределение в небольшой районный центр. Куда она и отправилась с маленьким чемоданчиком «балетка», но с большим энтузиазмом и удовольствием, а как иначе, впереди для неё начиналась самостоятельная взрослая жизнь, интересная работа в фотоателье, знакомства с новыми людьми, возможно даже встреча своего суженного! Хотя об этом она ещё и не думала вовсе, ну так, может только самую малость, но это было где-то ещё глубоко в её сознании. Первым было увлечение фотографией, да и вообще, столько много интересного ждало её впереди, а не эти глупости про парней.

От краевого центра до нового места жительства было рукой подать, по сибирским меркам, всего-то километров восемьдесят с гаком и вскоре замороженный автобус доставил пассажиров к небольшой деревянной избе с чуть криво прибитой над массивной дверью вывеской, на которой коричневой краской, потрескавшейся от ветра и холода, было написано «Автовокзал». Пассажиры спешно покидали холодный автобус, женщины с детьми так же спешно заходили в дом вокзала, затаскивая с собой узлы, а мужики, показывая своё безразличие к морозу, с расстегнутыми бортами пальто или полушубков, останавливались возле крыльца вокруг ведра для окурков и закуривали, чтобы продолжить свои разговоры незаконченные в поездке.

Полина тоже вслед за тётками втиснулась внутрь. Чуть влажный, но тёплый воздух, в помещении обрадовал, она пробралась к большой круглой кирпичной печи и приложила к ней ооченевшие руки.

– Зябко? – спросила дородная тётка, снимая с себя большую пуховую шаль. – Я ещё в автобусе на тебя посмотрела и подумала, как это она в такой одежке не мёрзнет?

– Ничего, я привыкшая.

– Марток – одевай семь порток. А ты вона как легонько одета. К нам в гости, поди? Не признаю тебя. Ненашенская.

– Училище закончила, вот на работу сюда приехала.

– И кем же ты к нам, такая худенькая? Медичкой или учительницей?

– Да, нет. Фотографом буду работать.

– Это, значит, с Карлычем в быткомбинате будешь? Это хорошо! А то он у нас, Карлыч-то, старый уже стал. А ты значит ему в смену. Как зовут-то?

– Полина.

– А жить-то есть где? Родственники там или знакомые.

– Да, нет. Пока вот только с вами познакомилась.

– И чё? На постой, поди, ко мне хочешь?

– Нет, там мне, вроде бы, комнату обещали дать.

– Вроде бы, да кабы. Комнату! Негоже девке одной в комнатах жить. Мало ли кто ночами мимо ходит! Я с этим комбинатом рядышком живу, угол у меня с кроватью есть. Пустует. Дочка в город уехала. На заводе работает. Не жилось ей здесь, в город, окаянная, умыкнула. А я тут одна мыкайся! Дочка-то, как ты, такая же щупленькая. Так что, пожелаешь – поживи у меня. Мне всё веселее будет. А там дальше и поглядишь.

– Спасибо. Я, конечно, согласна.

– Ну, вот и ладушки. Погрелась, тогда и пойдём. Я тут недалёко живу.

Со следующего дня начались трудовые дни.

Приближался праздник Международного женского дня, поэтому работы в фотоателье прибавилось: народ шёл и шёл фотографироваться, появились заявки на съёмку свадеб в Загсе райцентра и в ближайших сёлах.

– Ишь, прослышали, что молодая да красивая в помощницах у меня появилась, так сразу валом повалили. А ты, дочка, учись. Фотография – это очень доброе дело. Вот живут себе люди, живут. А потом раз и всё. Нету их, а карточки остались на стенке под стеклом висеть. Память! А когда нет фото, то со временем уже и не вспомнить, кто и как выглядел, а на пальцах да словах и не обрисуешь его внешность. А тут глянул и распознал. Так что наша работа фотографов очень даже нужная! Мы как хранители семейной памяти людей и их моментов жизненных запечатаем событие, как будто время остановим, а люди нас потом тёплым словом и помянут. Вот так, Полина!

И Полина училась. У Петра Карловича, а именно так звали старого фотографа, было чему поучиться.

– Главное, Поля, в нашем деле знаешь что?

– Хорошая фотокамера и софиты.

– Нет, главное в фотографии – это наш клиент, который желает получить от нас хорошее и качественное фотографическое изображение самого себя или своей семьи. И вот тогда мы должны правильно выбрать фон, освещение, помочь ему правильно встать или сесть, чтобы удобно было. И разговаривать с ним, как со своим старым и добрым знакомым, чтобы он чувствовал себя как дома. Знаешь, Поля, чувство собственного дома – это спокойствие и свобода, это самое гармоничное состояние человека, и оно одно из главных наших чувств. Вот нам и нужно, чтобы человек, придя к нам, расслабился и стал тем, кем он есть в обычной, привычной для него обстановке, а не обращал внимания на яркий свет ламп и наши декорации. Вот тогда всё будет как надо! И фотография не будет сухим снимком, а будет живой и радовать глаз. Фотография – это искусство. Ну, тебя этому учили.

– Да, но про чувство собственного дома нам в училище ни разу не говорили.

– Про это в учебниках не пишут, это понимание приходит позже и у каждого по-разному, я думаю. Всё зависит от того, хочешь ты просто фотографировать или стать фотографом-художником. Художник... он что делает?... Он воплощает своё виденье красоты на холсте неделями или месяцами, а настоящий фотограф должен увидеть момент красоты и успеть запечатлеть его, потому что повтора этого момента может больше и не быть. Вот в этом, Поля, и состоит наша работа – поймать момент.

Поля внимательно и с интересом наблюдала за артистической работой старого седого фотографа, за его манерой общения с людьми, стараясь перенять все его действия и движения. После окончания рабочего дня, она не сразу уходила домой, а часто оставалась в ателье до ночи, чтобы как можно больше проявить фотоплёнок, отснятых за день, отретушировать при необходимости и распечатать фотографии, отглянцевать их и увидеть плоды своего труда.

В один из вечеров, когда на улице завывала весенняя вьюга и барабанила тяжёлыми снежными крупинками в окно, Поля опять осталась поработать в лаборатории. Красный свет фонаря освещал процесс появления изображения на фотобумаге. Свадебные фотографии получались, как показалось Полине, очень даже симпатичными. Неожиданно послышались стуки в дверь ателье.

«Кто бы это мог быть в такую пору?» – подумала она.

– Кто там?

– Откройте, пожалуйста. Мы из соседней деревни. Хотели бы сфотографироваться, – послышался с улицы мужской голос.

– Но уже поздно. Мы не работаем. Завтра приезжайте.

– Завтра не получится. Завтра уже нельзя будет. Вы только сфотографируете нас с девушкой на память, и мы сразу же уедем. Нам, правда, завтра нельзя уже будет. Это у нас последний шанс с ней сфотографироваться! Правда, другого шанса больше не будет! Да, вы не бойтесь.

– А я и не боюсь вовсе! – Поля открыла дверь, на пороге стоял заснеженный с ног до головы парень, а чуть поодаль – лошадь, запряжённая в сани. В санях сидело двое, ещё один парень с девушкой.

– Давайте быстро заходите, холоду напустите. Вон вешалка, можете раздеться, а там стулья, садитесь, а я пока кассету заряжу.

Поля ушла. Через чёрную штору, закрывающую проём в фотолабораторию, было слышно, как молодые люди зашли и начали двигать стульями, видимо, усаживались для фотографирования.

– Я сейчас, ещё пару минут.

Когда она вошла в слабоосвещённый зал, то увидела, что девушка в светлом платье и фате, с каким-то неприятно-застывшим выражением на лице и закрытыми глазами, сидит на стуле в не очень-то удобной позе, а парень стоит сзади, положив руки ей на плечи.

– А она что сильно пьяная? – заволновавшись от нехорошего предчувствия, спросила Полина.

– Нет! – ответил парень дрожащим голосом. – У нас сегодня свадьба была. И ей плохо стало, сильно плохо... Она как-то сразу оступилась и всё... Мы вот с другом в сани её и в больницу, сюда, в райцентр. А она по дороге уже и... А мы с ней так и не успели сфотографироваться! Завтра утром собирались к вам приехать. А оно вот как вышло. Так что завтра никак уже нельзя.

Поля чуть не упала в обморок от этих слов.

– Да ты не бойся! Я же её не убивал, она сама умерла! Любил я её сильно. Сердце, наверное. Вот я и хочу фото на память о ней себе оставить.... Да, фотографируй ты нас скорей, и мы назад поедem, а то там гости все в шоке. Я им сказал, что в больницу её везу... Умерла моя Шурочка... – парень замолчал, неуклюже поправил одной рукой фату невесте.

Дальше всё было в густом тумане.

Очнулась Поля утром от того, что её кто-то сильно тряс за плечи.

– Ты, чего это, дочка? Перетрудилась, родимая? – над ней стоял Карлыч.

– Ой, Пётр Карлович! Не хочу я больше фотографом быть! – разрыдалась Полина.

– Погоди ты, погоди! Расскажи толком-то, что случилось?

Полина, запинаясь и всхлипывая после каждого слова, с горем пополам рассказала Карлычу, что произошло ночью.

– Как они уехали, и что было дальше, я не помню, – закончила она свой рассказ, уткнувшись Карлычу в плечо.

Он гладил её по голове и тихо говорил:

– Ничего, дочка, ничего, Поля! Всякое в жизни бывает! А фотограф из тебя выйдет очень хороший! Попомни мои слова. Негоже тебе бросать эту профессию! Так бывает в жизни, что она даёт тебе возможность или шанс, называй, как угодно, чтобы выбрать дорогу, по которой дальше идти! Вот он у тебя первый выбор или первый шанс и появился. А может и не первый, но не последний уж точно! И ты всё сделала правильно! А вот, сколько их, этих шансов, тебе предстоит пройти – никто не знает. А безболезненно никогда ничего не происходит. Может у кого-то, но я таковых не встречал. У тебя будет ещё много всяких возможностей внести изменения в себе, в своей жизни, стоять на развилке и принимать верные решения. А вот у того парня, видимо, был и впрямь последний шанс оставить память о ней. Жалко, конечно, дивчину, да и жениха тоже, горе вместо радости и у него и родных. Навсегда запомнится. А ты всё правильно сделала.... Ну-ну, было и прошло...

Дня два Поля не могла набраться смелости зайти в лабораторию, а старый фотограф как будто и не замечал её страхов. Эти дни они молча делали свою работу: Поля фотографировала посетителей, а Карлыч проявлял и печатал фотографии. А непроявленная фотопластинка со снимком того вечера так и лежала на полке, пока на третий день, ближе к обеду, в фотосалон не вошёл молодой парень в заснеженном тулупе. Сняв шапку, он стоял в дверном проёме, переступая с ноги на ногу.

Карлыч сразу понял, кто это пришёл и зачем:

– Ой, чёрт я старый, совсем забыл, печь-то затопил, а трубу приоткрыть запамятовал. Поленька, я сейчас быстренько сбегая до дому и вернусь! – накинув пальто и водрузив ушанку на голову, он ловко протиснулся между посетителем и закрыл за собой дверь.

– Здравсьте! Я вот за фотографией приехал. Помните, два дня назад мы были?... – парень стоял и мял своими большими руками шапку, видимо, стесняясь и не зная, как себя вести дальше и что ещё сказать.

Глядя на его неловкость и очень расстроенный вид, Полина почувствовала, что какая-то напряжённая струнка внутри неё, мешавшая ей

все эти дни, вдруг, лопнула и отозвалась лёгким звоном в голове. Исчезла чувство скованности и тревоги, лёгкая тёплая волна прокатилась по телу, она почувствовала, как слегка загорели щёки и согрелись руки.

– Здравствуйте! Если вы подождёте полчаса, то фото как раз закрепится и просохнет, – ей было неловко за свой обман, но она не могла признаться этому незнакомцу, что ей было страшно не только притрагиваться к кассете, но и смотреть в её сторону. – Хорошо?

– Ладно. Можно, я здесь подожду, вот тут на скамейке посижу?

– Да, конечно.

Поля быстрым шагом и решительно вошла в фотолабораторию. Страх не было, было одно желание: сделать всё правильно и не испортить эту фотографию.

Вручив парню два фотоснимка, Поля почувствовала неиспытываемую никогда ранее лёгкость на душе.

– Спасибо вам! – сказал парень, аккуратно завернул фотоснимки в газету и ушёл.

Поля села на скамейку, опустив руки на колени.

– Ну, слава богу, всё нормально дома. А то я переживал, вдруг чего не так. – Начал с порога Карлыч. – Поля! Ты чего это дочка? У тебя-то всё нормально?

– Ой, Карлыч, спасибо вам. Теперь-то точно всё нормально!

РУСЛАН ДЗКУЯ

60 лет, г. Москва

Рассказ

МИТИНА ЛЮБОВЬ

Однажды бабушка сварила манную кашу с комочками. Митя попросил и удивился. За всю свою жизнь он не мог припомнить такой оказии. Как все мальчики, любивший поворчать, он хотел было спросить, отчего это вдруг в каше комочки, однако подумал и ничего не сказал.

Он заметил, что бабушка выглядит расстроенной. У неё убежал кофе. Кастрюлька, которую она собиралась мыть, выскользнула из рук. А, главное, бабушка не напевала, как это она обычно делала на кухне. Нет, определённо что-то было не так.

В этот день мама должна была задержаться допоздна, и бабушка сказала, что останется у них ночевать. Они играли с ней в лото, читали книжку, раскрашивали картинки, но всё это было как-то не так, как прежде. Митя был мальчик внимательный и всё замечал. Хоть и было ему всего пять лет, но он уже всё понимал не хуже школьника.

На другой день, едва вернувшись из садика, Митя отвёл маму в сторонку и спросил:

– Наша бабушка заболела?

Мама побледнела:

– С чего ты взял?

– Она другая стала, я вижу, – сказал мальчик и замолчал, ожидая ответа.

Мама посмотрела на него и поняла, что врать нельзя:

– Да, Митя, наша бабушка тяжело заболела.

Она ждала, что мальчик испугается, будет спрашивать, а когда бабушка выздоровеет, но он очень серьёзно спросил:

– Что нам теперь надо делать?

Мама тяжело вздохнула:

– Ты должен молиться, Митя. Проси Бога, чтобы Он оставил нам бабушку. Скажи Ему, что мы её любим и без неё нам будет плохо.

Игорь Машиков
«У бабушки
за чаем»

– А разве Он Сам этого не знает? – насупился мальчик.

– Знает, конечно. Но если человек чего-то хочет, но ничего не делает, значит, не очень-то хочет...

Митя ушёл к себе в комнату и закрыл в дверь.

Мама проплакала всю ночь. Утром, собирая Митю в садик, она заметила, что он хоть и бледный, но такой серьёзный, сосредоточенный, каким она его не видела прежде.

– У тебя всё в порядке? – спросила она.

– Да, мама, не беспокойся, – ответил сын.

Вечером он задал маме новый вопрос:

– А если бабушка умрёт, значит, я плохо просил Бога?

Мама задыхнулась:

– Что ты, Митенька!

Мальчик молчал.

– Не бойся, сынок, бабушка не умрёт. Я это точно знаю.

Наутро мама отпросилась с работы пораньше и побежала к бабушке. Она застала её разбирающей свои вещи. Бабушка перебирала платья, просматривала письма. Митина мама собралась с духом и сказала:

– Митя знает, что ты болеешь. Он каждый день молится о тебе... – голос её прервался, но она справилась с собой и договорила самое важное: – Митя говорит, что если ты умрёшь, значит, Бог не хочет слышать его молитвы.

Бабушка долго молчала. Она разложила письма по стопкам, протёрла пыль на книжных полках, а потом сказала, очень твёрдо:

– Я буду стараться, доченька.

Через несколько дней бабушку положили в больницу и стали готовить к операции. Врач, серьёзный молодой человек, сказал ей:

– Не скрою, положение ваше опасно, и многое сейчас зависит от того, как вы будете бороться.

– Я обязательно выберусь, доктор, – ответила бабушка. – Мне нельзя подвести внука.

Операция была долгая и тяжёлая. Сначала врач волновался, хватит ли у бабушки сил, но у этой пожилой женщины оказалась такая воля к жизни, что болезнь отступила.

Первые дни бабушке было очень плохо. Она лежала в реанимации, и к ней никого не пускали. А потом ей стало лучше. Её перевели в общую палату и позволили прийти Мите. Мальчик тихо вошёл в палату, увидел бабушку и сразу забыл обо всех маминых наставлениях. Он кинулся к ней и, уткнувшись в её тёплые, родные руки, громко заревел:

– Бабушка, бабушка, как я боялся...

– Чего же ты боялся, родной? – голос бабушки был слабый, но как всегда ласковый.

– Я так боялся, что Бог меня не услышит...

Бабушка гладила его и шептала:

– Бог всегда нас слышит, Митенька... Не плачь, всё уже хорошо... Спасибо тебе, родной, за твою любовь...

ДМИТРИЙ ШУНИН

38 лет, г. Богородск Нижегородской области

КРАНОВЩИК

Сергей Белов был крановщик плавучих кранов,
Обычный, в общем-то, мужик, без тараканов,
Без тараканов в голове и без зазнайства.
Он очень рано овдовел и вёл хозяйство.
Хозяйство вёл и дочь растил, а вечерами
Он, засыпая, уходил к жене и маме.
Туда, где счастьем и мечтам предела нету,
И где доверено ветрам вращать планету,
И самовар шипит, как уж, большой ведёрный,
И дед бросает в глотки луж полоски дёрна.
Где тихо с речкой говорят, склонившись, вёстры,
А время – горький шоколад в ладонях тёплых...
Сергей Белов был крановщик в порту на Волге,
Там, где стерлядка, и леши, и пиво с воблой...
Он в темноте домой спешил к любимой дочке,
И ни кому не говорил, что снится ночью.

ЮЛИЯ КЛЮЕВА

*46 лет, г. Саратов**Рассказ*

ТЫ ЛЮБОВЬ МОЯ ПОСЛЕДНЯЯ...

Иногда любовь даётся как дар. Она есть, и её не может не быть. Она проходит сквозь годы, только усиливаясь и бесконечно углубляясь. Сердца стоят друг против друга, вначале только касаясь, со временем же срастаясь до полного единения.

Фёдор и Галина прожили вместе уже двадцать лет. И каждый вечер после работы сидели на кухне за маленьким столом, соприкасаясь локтями, говорили о важном и не важном, выслушивали друг друга, выразительно молчали и были абсолютно счастливы. Даже стародавняя боль молчала, была купирована и временем, и безмолвным договором – не вспоминать. Только столик на кухне укорял своим малым размером и их особым единением, потому что за ним так и не сел третий, не болтал маленькими ножками и не размазывал ручками каши.

Маленькие ножки – это особая радость. Даже, когда крошечный человечек и научится ходить и даже бегать, они, эти ножки, первые два-три года живут своей отдельной радостью. Если оторвать от пола бегущего малыша, ножки ещё несколько секунд бегут в воздухе. Наверное, поэтому детишки так любят их разглядывать. Каждый пальчик – маленькое чудо, которое бесконечно можно целовать взрослым и самозабвенно мусолить маленьким. Даже сам звук босых, шлёпающих по полу ножек похож на симфонию особой, приумноженной жизни. Потому что теперь двое видимо и ощутимо одно, нераздельно и вечно едины в этой живой капле жизни, подаренной просто так, от бесконечной любви неба.

Но ножки не побежали. За двадцать лет было пройдено всё, включая сложные операции. В свои пятьдесят Фёдор достиг многого, поэтому не жалел для жены ни денег, ни сил. Но природу не обманешь... Надежда уходила постепенно, а после сорока свернулась в точку и мёртво легла на дно сердца. Правда, оставалась музыка сердец для них двоих.

* * *

Боль вернулась вдруг, когда одна из подруг Галины родила «поскрёбывша». В свои сорок три года Галина взывала так, как никогда в жизни. Фёдор смотрел на неё. Смотрел и молчал. Говорили только его руки, отдавая нежность и силу чувств.

Жена молча сворачивалась в вымученный жгут боли. Только по ночам Фёдор иногда ощущал, что жены не было рядом, хлопал ладонью по отброшенному одеялу, по мокрой подушке. Потом поворачивался на бок и изо всех сил не позволял себе идти за ней в ванную.

В какой-то момент Галина пошла в храм. Фёдор даже вздохнул, теперь он перестал бояться, когда она закрывалась от него по ночам в ванной. А ещё это дало ему возможность в какой-то момент заняться и своим здоровьем: в последнее время старая язва сильно кусала.

Тихо прошёл ещё год. Галина не пропускала ни вечерних служб в субботу, ни воскресных утренних. Фёдора она за собой не тянула. Просто молилась о них двоих, и этого ей было достаточно. Иногда она переставала молиться словами, и всю боль молча упирала в небо. Это несколько облегчало, но не исцеляло.

Жизнь шла своим чередом. Ничего не менялось, только стало тише и внутри, и вокруг. Странно зависшая тишина в жизни вначале даже радовала. Но в какой-то момент Галина почувствовала тоску от этого затишья: как перед бурей. Только в этой тоске, вопреки здравому смыслу, не было для неё безысходного страха, но особая, живая надежда.

* * *

Как мгновенно меняется жизнь.

После обследования Фёдору поставили безоговорочный диагноз – рак. Срочная операция показала наличие метастаз. Началась борьба со смертью. Он выслушал приговор, как слушал когда-то стрельбу на границе, где в своё время служил в армии. Просто принял бой, зная неравенство сил.

Теперь уже Галина обволакивала его сердце необыкновенной силой любви, соединённой с приближающейся вечностью.

* * *

Плохое самочувствие заставило Галину пойти в больницу. Она на несколько минут перестала слышать врача, когда он сообщил ей то, что уже и не должно было никогда прозвучать – беременность, восемь недель. Радость вопреки смерти – таков дар небес.

Сросшиеся сердца зажили в особом бытии, когда минуты становились бесконечными памятниками проживания оставшихся капель жизни, теперь уже утроенной.

* * *

Фёдор дождался не только рождения дочери, но и увидел, как та сделала первые шаги. А ещё Верочка давала силы терпеть пытку распада пораженного недугом тела.

По ночам боль высверливала нутро с особой силой, и Фёдор знал, что сможет заснуть только после укола наркотика. Тогда он вставал, чтобы попросить Галину сделать укол, приоткрывал дверь в детскую, где жена спала вымотанным сном матери. И... опять прикрывал дверь. Пошатываясь от слабости, он возвращался на свою кровать, потихоньку включал радио и заставлял себя слушать передачу с ложной сосредоточенностью, которая хоть как-то обманывала боль.

Какая сила держала Галину на ногах, было ей непонятно. Скорее всего, это была необыкновенно возросшая сила любви. Она почувствовала, как много даёт ей эта любовь, когда однажды случайно заглянула в детскую. Фёдор держал ослабевшими и исхудавшими руками дочь. Потом он при-

поднял её повыше и, глядя ей в глаза, тихонько пропел:

– Ты – любовь моя последняя, боль моя...

Сердце женщины провернулось в груди, распалось на атомы, собралось воедино и... стало иным. Особая новая сила не дала ей отступить. В комнату Галина вошла с улыбкой.

* * *

Днём, когда были силы, Фёдор входил в комнату дочери, клал её на диван, сам рядом приваливался на подушки и начинал ей петь под гитару. Галина с удивлением слушала романсы, которые он напевал младенцу.

Однажды он сказал ей: «Я помню себя очень маленьким. Мама меня купала в тазике перед печкой. Помню языки огня, тепло и мамины руки. Я хочу, чтобы Верочка запомнила меня, может быть, мои песни, мои руки. Она запомнит...»

Эти выходы в детскую становились всё реже. Галина повесила Фёдору в комнату икону его матери: старенький образ преподобного Сергия с окладом из фольги и маленькой свечечкой за стеклом. По ночам он смотрел на неё, и эта икона постоянно вела его по прошлому.

Что там были за встречи, Фёдор ей не говорил. Только однажды он остановил убиравшую в его комнате Галину и сказал: «Сильно я виноват перед матерью. Был момент, напрасно её обидел... Позови священника...»

Исповедь была долгой. Уже прощаясь с Фёдором, батюшка приоткрыл дверь, и Галина услышала, как он попросил Фёдора обращаться почаще к преподобному Сергию, особенно по ночам, когда остаётся только боль и одиночество.

Через несколько дней Фёдор утром позвал жену:

– Ты знаешь, я человек без излишних фантазий. Только не знаю, что сегодня ночью было со мной. Я увидел слева от меня кого-то очень страшного и чёрного. Это был какой-то ужас. Я даже не мог пошевелиться. Но тут преподобный вышел ко мне, взял за правую руку и повёл куда-то. И мне стало так хорошо-хорошо... Думаю, мне уже недолго осталось.

Галина посмотрела на икону только с одной мыслью: он не должен умереть без неё.

* * *

Через три дня она укладывала Верочку спать, когда почувствовала, что Фёдор её зовёт. В тот день он уже не вставал.

Галина оставила ребёнка в коечке и пошла к мужу.

– Ты звал меня?

Он слабо покачал головой:

– Нет, только думал. Прости, что оставляю тебя одну, с ребёнком. В этом я виноват перед тобой.

Галина присела на край кровати:

– О чём ты? Я самый счастливый человек. Ты мне дал самое главное: себя и ребёнка.

Фёдор слабо коснулся её руки, потом притянул руку к своим губам и поцеловал:

– Спасибо тебе за всё.

Галина видела, как трудно давались ему слова, дыхание было тяжёлым. Через несколько секунд Фёдор продолжил:

– Не волнуйся, у тебя всё будет хорошо. Всё будет хорошо!

Лицо его вдруг посерело и свелось в судороге боли. Галина поднялась.

– Сейчас я уколую тебя. Потерпи!

Галина дождалась действия лекарства. Постаревшее за месяцы болезни лицо мужа разгладилось. Он прикрыл глаза и стал проваливаться в сон. Она прикрыла за собой дверь и вернулась к Вере.

Девочка заснула быстро. Минут через двадцать Галина вернулась к Фёдору. Он хрипло и редко дышал. Наркотический сон не прерывался. Дыхание становилось всё реже. Стало тихо. Тело мужа вытянулось. Женщина перекрестилась и не заплакала.

С остановившимся дыханием она ровно уложила ещё тёплое тело мужа, прикрыла его глаза, сложила руки. И ушла к иконам...

Тёплый комочек в кровати в ту ночь ни разу не проснулся.

ОЛЬГА ПАВЛОВА

*63 года, г. Барнаул**Рассказ*

ПОТОМКИ СИФА

*Я как раз прочитал последнюю
страницу Библии. Оказалось,
всё кончается хорошо.
Билли ГРЭМ*

Надежда Сергеевна с весны до поздней осени жила в деревне. В наследство от родителей ей достался ещё не плохой дом. Несмотря на то, что хозяйке дома было за шестьдесят, она была полна сил и оптимизма. Всё лето с ней проживали внуки. Дети брали отпуска поздней осенью или ранней весной и ездили отдыхать за границу, оставляя своих отпрысков на бабушку.

Нынче лето было жаркое. Неделя, как уже не было дождя, но к вечеру синоптики обещали грозу. Сегодня Надежда Сергеевна подняла внуков раньше. Пока не было жары, надо было до конца окучить картошку.

Появившаяся на земле корка и сорняки заставляли брать в руки мотыги. Заспанные близнецы-подростки нехотя плелись на огород за энергично вышагивающей бабушкой. Вчера поздно утомонились, поэтому сейчас сильно хотелось обратно в постель. Спорить с бабушкой было бесполезно, проще было сделать то, что она скажет.

– Ба-а-а, а что так сорняки быстро растут, быстрее картошки? – тоскливо затынул младший из близнецов, Степан, – уже сил нет с ними дальше бороться.

– Ничего, милок, это раньше земля давала силы человеку с ней работать, а сейчас – уже не даёт, не достоин того человек, – звонким голосом отвечала бабушка.

– Не понял, это когда такое было, чтобы земля давала силы? – вмешался в разговор старший близнец, Егор.

– Так это ещё со времён Адама, милые мои. Согрешил Адам с Евой – яблоко съели. Богу яблоко не жалко было. Сказал им – не есть фрукт,

*Феофан Грек.
Праотец Сиф.
Фреска
православной церкви
Спаса Преображения
в Новгороде*

значит, не надо есть! Так не послушались, как и вы. Сказала вчера – спать, завтра рано вставать, не выспитесь. Вот оба и похожи сейчас на варёных мух. Ах, да! Вот Бог и проклял землю за такие дела их. А когда Каин убил своего брата Авеля – земля передала это проклятие уже братоубийце. Проклятие заключается в том, что земля не даст своей силы работающему на ней человеку, а только будет забирать её.

На несколько минут разговор затих. Под звуки работающих мотыг близнецы размышляли над бабушкиными словами. Внезапно Степан перестал работать, опершись на орудие труда, решил окончательно разобратся с героями этой истории.

– Ба-а-а, так что, мы теперь за Каина расплачиваемся?

– Не только, – готовая к продолжению разговора ответила Надежда Сергеевна – и за батюшку его, за Адама будете нести ответ. Отец Небесный так и сказал Адаму, что в муках и в поте лица своего будет хлеб добывать день за днём, всю его жизнь. Тогда и проклял Бог землю, сообщив, будет на ней произрастать то, чем человек будет питаться. Про эти самые колючки и репей, что ты сейчас полешь, тогда же и было сказано. Так что

крепче держим мотыги в руках и работаем в поте лица – всё это благодаря Адаму.

Про Еву и искусителя – Надежда Сергеевна говорить пока не стала. Не поймут. Близнецы же были озадачены перспективой – всю дальнейшую жизнь добывать свой хлеб в поте лица. К такому развороту они не были готовы. Своя будущая жизнь им виделась в другом ракурсе. Да и сама история происхождения рода человеческого как-то их не радовала.

– Ба-а-а, так выходит, что мы приходим от Каина, раз Авель был убит? – печально спросил старший отрок, явно недовольный предком.

– Ну, не помню, вроде у Адама позднее ещё кто-то родился, – загадочно блеснув глазами и заканчивая пропалывать картофель, ответила бабушка.

Вечером разыгралась нешуточная гроза. Дождь утолил жажду земли, но решил, видать, похозяйничать и ночь. Когда Надежда Сергеевна уснула, братья тихонько пробрались в её комнату, чтобы взять книгу. Терзаемые целый день мыслями о своём не очень желанном предке и будущем, полным пота и трудов, они приняли решение лучше изучить первоисточник. Надежды их оправдались. Оказалось, что родился от Адама после Авеля другой сын – Сиф. Каин не вошёл в родословную Адама, что очень порадовало близнецов.

А вот как изменить к лучшему своё будущее – надо будет посоветоваться завтра с бабушкой, решили внуки. Довольные своими трудами и счастливые результатом, они уснули. Между спящими осталась лежать большая красная книга, на которой большими золотыми буквами было написано: «БИБЛИЯ».

Детское творчество

САШЕНЬКА ВЛАСОВЕЦ

*16 лет, Лицей, город Брест, Республика Беларусь.
Руководитель: Валентина Бобко-Алешкевич, бабушка*

СОСЕДСКИЙ ЩЕНОК

Привязали щеночка на цепь,
Цепь холодная...
И сейчас он тихонько плачет,
Чёрный хвостик под лапки прячет.
Стоит мне подойти поближе,
Торопливо мне руки лижет:
«Отпусти меня, отпусти!»
Я глаза отвожу: «Прости».
Грустной я ухожу домой,
Громко плачет щенок чужой:
«Чтобы я великаном был,
Все бы цепи тогда разбил!»

БЕРЁЗА

Белая берёза
У двора стояла,
И под ветром тёплым
Серьгами качала,
Лето зазывала...

ВОРОБЬИШКИ

Воробьишки-шалунишки,
Вы шалите, как мальчишки:
В прятки, салки, догонялки,
И леталки, и порхалки.
Я насыплю вам зерна:
Гречки, риса и пшена.

СЕМЕЙНОЕ ТВОРЧЕСТВО**ОПЯТКИ**

Вот пенёк, а вот опятки,
Развесёлые ребятки,
Просят Сашу: «Ну-ка в прятки!»
Села Саша за пенёк,
Чтоб найти никто не мог,
А опяткам невдомёк,
От чего подрос пенёк.

**Валентина БОБКО-АЛЕШКЕВИЧ
и Сашенька ВЛАСОВЕЦ**

ЮЛИЯ СТАРКОВА

*12 лет, МОУ Новобиинская СОШ,
Вавожский район, Удмуртская Республика.
Руководитель: Музиянова Людмила Арсентьевна*

ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРИРОДЫ КРАСИВЕЙ...

Деревенской природы красивей
Никто никогда не найдёт.
Запах хлеба и воздух чистейший
Человек лишь в деревне вдохнёт.

Шумная речка за домом журчит,
Берёзок листва во дворе шелестит,
Мирное небо глядит на меня,
Солнышко светит, рада земля.

Рассказ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Раннее воскресное утро. Яркие лучи солнца нежно касаются моей щеки и весело пробегают по моим сонным глазам. Я с досадой натягиваю на себя одеяло, переворачиваюсь на другой бок и продолжаю сладко посапывать. Но солнечные зайчики совсем ошалели: запрыгали по стене, по потолку, по полу, по моей подушке. Я упорно сопротивляюсь. Ещё бы! Ведь сегодня выходной и можно подольше поспать. Я с наслаждением потягиваюсь.

Вдруг мой чуткий нос защекотал ароматный запах. Он возбуждал такой аппетит, что сна как не бывало. Откуда он, этот восхитительный запах, только он взялся на мою бедную голову?! И тут меня осенило: «Сегодня же Пасха! Мой любимый праздник! Как же я могла о нём забыть?!» Я молнией соскочила с кровати и стрелой полетела на кухню.

Стол, покрытый праздничной скатертью, ломился от яств. На нём красовался воздушный пасхальный кулич, покрытый сахарной глазурью и посыпанный разноцветными цукатами, словно конфетти. А рядом с ним – икона Спасителя Иисуса Христа и свечка в узорном подсвечнике (мы его купили специально для этого дня). В широкой тарелке плотно друг к другу лежали симпатичные бордовые яйца (мама их всегда красит луковой шелухой). Запечённая в тесте рыба, жареное мясо, румяные пироги, ещё дышащие жаром, тоже нашли здесь своё уютное место. И когда только успела мама накрыть такой шикарный стол?!

Она всё ещё хлопотала у плиты. Увидев меня, с улыбкой воскликнула:

– Христос Воскресе!

Я тут же с радостью выпалила:

– Воистину Воскресе!

По доброй христианской традиции мы с ней три раза похристосовались и обнялись. В это время в дверях появилась бабушка:

– Христос Воскресе!

– Воистину Воскресе! – дружно, в один голос отвечали мы ей вдвоём с мамой.

Тут и папа подошёл, управившись с делами по хозяйству, и Паша оторвался от телефона, и Петя проснулся. Не успели оглянуться, как наш младшенький тут же слизал с кулича глазурь. Где старший брат Паша, там и Петя. Я думаю, что так и должно быть. Мама дала моим братьям такие имена в честь святых Апостолов Петра и Павла, чтобы они друг о друге заботились. У нас дома есть даже иконка Петра и Павла, которую мы держали у изголовья Пети, когда он был совсем маленьким. А сейчас она в красном углу.

– Я вчера ходила в церковь Вознесения освящать пасхальные яйца, – сказала бабушка, выкладывая их из корзины на стол. – Церковь нашу просто не узнать! Ох, и красивой стала – глаз не оторвать! Светлая, нарядная, каждый камушек в ней так и светится. А всё благодаря нашему колхозу «Колос». Двенадцать миллионов рублей выделил на её ремонт. И соседнее хозяйство не осталось в стороне. Оно и понятно, кто, если не мы, будем заботиться о ней. Здесь крестились наши прадеды, деды, отцы и мы с вами. Здесь во время Великой Отечественной войны сельчане каждый день мо-

лили, прося Господа защитить их родных. Именно молитвы приносили душевное успокоение, помогали пережить эти нелёгкие годы.

– Бабушка, а ты историю нашей церкви знаешь? – спросили мы с Пашей, перебивая друг друга. – Расскажи, пожалуйста.

– Конечно, знаю. На месте нынешней каменной церкви раньше была деревянная. Но каждый год приход увеличивался, и надо было строить храм побольше. Вот и задумали строительство белокаменной церкви. Место, по словам старожиллов нашей деревни, выбирали не просто так. Священники молились и просили совета у Господа. После молитвы на том месте, где должен был быть храм, выпала роса, а в другом месте её не было. По росе и выбрали. Деньги для нового здания собирали по всей округе. А на месте закладки фундамента целый год гасили известь. В неё бросали куриные яйца и лили молоко, чтобы раствор был крепче. Всю душу вложили люди в свою церковь.

Чего только не повидала она на своем веку! В гражданскую войну её разорили красные. Много церковной утвари тогда безбожники украли. Они забрались на колокольню и оттуда из пулемёта обстреливали деревню Мокрецово, а в самом селе Водзимонье был настоящий ад. Без жалости, без Бога в душе они расстреливали и вешали зажиточных людей, попов, священников. Как рассказывала Анисья Тимофеевна Никитина, земля содрогалась от такой жестокости, душа криком кричала. Она тогда была совсем ещё маленькой, и весь этот ужас происходил на её глазах. Говорили, что из церкви вели два подземных хода. Но и они никого не спасли.

Потом пришли белые, они тоже убивали и грабили...

В 1938 году храм закрыли, половина его стала зернохранилищем, потом складом магазина. А церковь райцентра превратили в клуб, где устраивались дискотеки, проводились собрания и концерты.

Слава Богу, что церкви наши сохранились. А ведь многие были не только разграблены и закрыты, но и полностью разрушены. Веру в людях хотели убить. А без веры человеку никак нельзя...

– Бабушка, а что такое вера?

– Вера – это добро, милосердие, любовь к своей семье, ближним, Родине, её вековым национальным обычаям и традициям. Это значит жить по совести. Русский народ всегда был силен своей верой. Сейчас, к сожалению, больше стали верить деньгам, богатству.

– Бабушка, но ведь в нашей деревне все любят православные традиции и всегда празднуют их своей семьёй. Я ещё помню, как в детском саду мы готовились к Пасхе. Катали крашеные яйца с маленькой горки, обменивались с ними, хвастались друг перед другом, у кого красивее. Вос-

питатели рассказывали нам о празднике, учили красить искусственные яйца и делать из них разные поделки. Как мы радовались, когда вместе разучивали стихи, песни и танцы! Это мои самые светлые воспоминания о детском саде. А ещё мы участвовали в конкурсе «Пасхальное яйцо».

– А мы, Юленька, готовились к Пасхе за несколько месяцев вперёд. Наши мамы и бабушки задолго до праздника запасались отрезами на платья. Ткань не всегда можно было найти, особенно в деревне, да и денег лишних в большой крестьянской семье не было. Зато нам шили такие красивые платья! Не то что магазинные. Они были обязательно с двумя карманами, чтобы в них могло поместиться много яиц. До самой Пасхи обновки свои никому не показывали, держали в строгом секрете, хотя так не терпелось похвастаться.

А в последнее воскресенье до Пасхи, которое называется Вербным, мы вставали вместе с первой зарёй. С утра пораньше готовили веточки вербы для освящения их в церкви. Помню, как по утреннему насту, весело обгоняя друг друга, бежали мы, дети, в резиновых сапогах в нашу церковь Вознесения. И ведь без взрослых за пять километров! И холод нам был нипочем. Обратно шли по колено в воде, зато довольные, с освященными веточками вербы. Долго потом около весело потрескивающей печки родители растирали наши красные, замёрзшие пальцы ног, отпаивали нас горячим чаем с малиновым вареньем...

Мы, все дети, раньше всю деревню обходили, меняясь яйцами. А как любили ходить на горку! Устраивали настоящие гонки – катали с неё яйца. Чье яйцо целым и невредимым докатывалось до финиша, тот и побеждал. А ещё к этому празднику специально для нас родители мастерили качели. Мы так раскачивались на них, что дух захватывало.

Сейчас уже многое забыли, – вздохнула бабушка. – А ведь обряды очень важно сохранить, потому что они сотканы из народной мудрости и добра.

– Мам, Пасха, сколько я себя помню, для нашей семьи всегда была самым главным праздником, – обняла бабушку моя мама. – И в этот день мы всегда поминаем наших родных, близких, которых уже нет рядом. Пасха помогает нам сохранить память о них. А без памяти не может быть ни настоящего, ни будущего. Это всё равно что не иметь свои корни, не иметь совести. С другой стороны, Пасха всех собирает за один стол. Она делает нашу семью крепкой, дружной, сплочённой. Кстати, вы не замечали, что в этот день все люди приветливые, добрые, щедрые? Потому что Пасха – самый светлый, самый чистый христианский праздник. Светлеет день, светлеют души, светлеет целый мир! Это же большое счастье – иметь такой праздник!

Я слушала бабушку и маму, и мне так захотелось сделать им приятное.

– Бабушка, а у меня как раз есть новое платье с двумя карманами, правда, его не мама сшила, а в магазине купили. Я сейчас надену его, побегу к подругам, и мы вместе, как обычно, обойдём всю деревню. Потом отправимся на горку катать яйца. И о качелях не беспокойся: недавно папа Алины такие красивые из города привёз!

Я мигом нарядилась в новое платье, рассовала по карманам крашенные яйца и с необъяснимой радостью выбежала на улицу.

– Юля, Христос Воскресе! *(У нас именно так говорят, тепло и душевно)* – улыбаясь, поспешила ко мне соседка.

– Христос Воскресе, тётя Аня! – вынула я из кармана первое яйцо.

– Христос Воскресе, Юля! Заходи к нам, кулич отменный получился, – появился в воротах дядя Коля.

– Христос Воскресе, дядя Коля! – рука моя потянулась за вторым яйцом. – Обязательно зайду. С подругами, как всегда.

– Христос Воскресе, племяшка! – издали приветливо окликнула меня тетя Ирина, папина сестра. Она как раз шла к нам.

– Христос Воскресе!

Весело подпрыгивая и придерживая рукой полные карманы, я побежала по широкой улице, подхваченная озорным ветерком. На душе было легко-легко. И мне казалось, что я парю высоко над землёй. А ещё я отчетливо слышала, как

Под солнцем вьются жаворонки,
Поют: Христос Воскресе!
По всем кустам малиновки
Поют: Христос Воскресе!
Во все окошки ласточки
Кричат: Христос Воскресе!
Сердца у дев, у юношей
Поют: Христос Воскресе!..

А. Майков

ВАЛЕРИЯ ТОКАРЕВА

16 лет, МОУ АСШ №2 пгт. Агинское, Забайкальский край.

Руководитель: Токарев Артём Сергеевич, отец

Рассказ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Зелёные леса, мелкая речушка, маленькие горы – всё это напоминает мне дом... Мой отчий дом.

Когда я была маленькой, мама часто говорила: «Даже если ты потеряешь веру в себя или некуда будет идти – мы с папой всегда примем и поддержим тебя». Я не понимала этих слов и с годами забыла про них... Учась в школе, я мечтала уехать из этого маленького посёлка, меня манили перспективы больших городов. После школы я поступила в престижный ВУЗ в столице и стала всё реже и реже навещать родных... После учёбы я хотела открыть своё дело, но несколько раз подряд бизнес прогорал и, в итоге, я осталась ни с чем. Я вспомнила про мамины слова и на оставшиеся сбережения отправилась в дом, в котором выросла. Когда я вышла из автобуса, на меня нахлынули старые, почти забытые воспоминания. Воспоминания о купании в речке, о подъёмах в гору с маминной сестрой, о старой доброй школе... Идя по улице, ведущей к дому, я всё больше и больше предавалась воспоминаниям. Остановившись напротив знакомого зелёного деревянного забора, я едва сдерживала слёзы. Зайдя в ограду, я увидела двух собак, их будки были на том же месте, возле гаража. Сад нисколько не изменился: всё та же дикая яблонька, слива, малина и парник... Зайдя в сени, я увидела открытую дверь в кладовку, там в духовке, сидя на стуле, мама запекала пирог.

– Мама... – произнесла я тихо.

Она почти не изменилась, даже спустя десять лет. Всё те же каштановые волосы, которые часто заплетает в хвост, и те же тёмно-карие, добрые, ласковые глаза. Она повернула голову в мою сторону и с улыбкой сказала:

– Ну, как дела? Надолго к нам?

Я не смогла сдержать слёз и разревелась. Мама подбежала ко мне и крепко обняла. На голоса вышел папа из дома, с пробивающейся сквозь чёрные волосы сединой и теми же голубыми глазами.

– Чего же вы тут сидите? Заходите, чай уже готов! – с той же милой улыбкой произнёс он.

Мы с мамой зашли в дом. Пока мама с папой наливали чай, я зашла в свою старую комнату. Она ничуть не изменилась: та же кровать, тот же вид из окна на дикую яблоню, компьютерный стол и высокий шкаф. Я вспомнила, как готовилась к экзамену по математике за день до него и попался именно тот вариант, который делала. Вспомнила, как сидела на подоконнике и смотрела в окно просто так. В комнату зашла мама и сказал:

– Что будешь? Вафли или печенье?

– Печенье, – с широкой улыбкой сказала я, и мы вместе пошли на кухню, где папа уже сидел за столом. Я села на своё любимое место – на крайний слева стул. Мы попили чай, и мама сказала:

– Недавно Ася звонила, говорит, переехала к мужу. Помнишь, ты рассказывала про него? Ещё друга у него зовут почти так же.

– Роман Иванович или Иван Романович?

– Да! Кто бы мог подумать, что они поженятся...

– Да... Вспомнилось, как мы с Асей познакомились.

– А, она же тогда только к вам перевелась? В восьмом классе?

– Да, как давно это было... – с грустью сказала я.

– Да... – сказала мама и посмотрела в окно.

– Уже картошку посадили? – робко спросила я.

– Да, недавно посадили, – ответил папа.

– Помнишь, как вы с соседкой здесь играли? – спросила мама.

– Помню! Мы с ней целыми днями играли... И нашего бывшего соседа, сына твоей подруги, помню, – сказала я, предаваясь воспоминаниям о совместных играх в теннис.

– Не хочешь прогуляться по посёлку? Здесь почти ничего не изменилось, не потеряешься, – ехидно усмехнувшись, сказал папа.

– Так и сделаю, – сказала я, поднимаясь со стула.

Я решила прогуляться до парка. С этим местом у меня связаны воспоминания из десятого класса, когда я только подружилась с новыми одноклассниками. Мы часто играли в баскетбол в этом парке на старой площадке... Вернувшись после прогулки, я села на диван, на котором сидели родители и начала рассказывать:

– Я встретила в парке школьных одноклассников! Андрей поступил на

ветеринара, Юля устроилась на работу в полицию, а Фаина стала журналистом... Практически все стали теми, кем хотели!

– Это же чудесно! – сказала мама с улыбкой.

– Знаешь, мам...

– Что?

– Я хочу вернуться сюда, в свой родной дом...

– Конечно, возвращайся! – сказал папа, зайдя в зал.

Мама с папой крепко меня обняли. Через месяц я переехала, устроилась на работу и стала помогать родителям. Я забыла свои неудачи и начала жизнь заново, в отчем доме.

АРИНА БОРОВСКАЯ

*14 лет, МБОУ СОШ № 10 г. Краснодар.
Руководитель: Шевченко Наталья Ильинична*

Рассказ

РОДНОЙ – ЧУЖОЙ ДОМ

Тяжёлая, обшарпанная дубовая дверь, когда-то имевшая красивый шоколадный оттенок, со скрипом отворилась, демонстрируя стоящим на пороге людям, выцветшие персиковые обои, местами отвалившиеся от стен деревянные половицы, покрытые многолетним слоем пыли и паутину, свисавшую с потолка.

– Мы что, теперь будем здесь жить? – спросил рыжий мальчик-подросток, переступая через порог дома.

Половицы под ним жалобно скрипнули, грозя провалиться в любой момент. Вслед за ним в дом вошла молодая невысокая светловолосая женщина. Зелёные глаза оценивающе оглядывали прихожую. Брезгливо отодвинув паутину, висевшую перед лицом, она ответила:

– Да, Максим, теперь это наш дом.

– Конечно же, нам придётся многое отремонтировать, что-то поменять, и тогда этот дом станет просто идеальным, – с этими словами в дом вошёл высокий мужчина средних лет, неся два больших чемодана.

Максим никак не мог понять энтузиазма родителей. Конечно, они давно мечтали о своём доме, но Максим почему-то представлял небольшой уютный домик, где-нибудь на юге, на берегу моря, откуда открывается потрясающий вид на лазурные волны, а не полуразвалившийся «особняк», доставшийся им от какой-то почившей родственницы, на окраине старого дачного посёлка, в предгорьях Кавказа. И тем не менее, поднимаясь на второй этаж по старой, но на удивление крепкой лестнице, Максим решил, что этому месту стоит дать шанс.

Спустя неделю, дом полностью преобразился. На стенах красовались новые в тёплых тонах обои, повсюду стояла красивая мебель, старин-

ные предметы, которые отец отреставрировал своими руками, отлично вписались в обновлённый интерьер. Родители превратили заброшенный, мрачный дом в светлый и уютный.

Постепенно Максим изучил весь дом в мельчайших подробностях. Но вот чердак остался неизведанным. Пожалуй, это было самое таинственное место во всём доме. Ещё от своей бабушки Максим слышал, что именно на чердаке по ночам шастает домовая, Ваструха корзинки плетёт, а Клетник пересчитывает свои богатства. Максим верил бабушке, как человеку, всю свою жизнь прожившему в деревне, а деревенские жители лучше всех знакомы со всякой домашней нечистью. И будто в подтверждение бабушкиным рассказам по ночам Максим слышал шорохи над головой. Каким бы интересным не обещало быть приключение на чердаке, страх уже глубоко проник в разум мальчика. Но, в итоге, любопытство взяло верх.

Однажды рано утром, пока родители ещё спали, Максим тихонько вышел из своей комнаты. Стараясь не шуметь, он на цыпочках прошёл по залитому янтарным светом коридору к деревянной лестнице, ведущей на чердак.

Воображение Максима рисовало жуткие картинки: пыльное, мрачное помещение, где по полу тут и там бегали крысы, готовые в любой момент наброситься на того несчастного, кто по незнанию забрался в их логово, а по стенам ползали огромные чёрные пауки.

Но, на самом деле, всё оказалось куда прозаичней. Не было там всей той жути, что придумывал себе Максим. Помещение, в котором он оказался, было словно из другого мира – светлое, наполненное запахом древесины, пыли и старой бумаги. Сквозь маленькое окошко внутрь проникали золотистые лучи солнца и, отражаясь в зеркале напротив окна, окрашивали помещение чердака в самые невероятные цвета. В углу, на стопке старинных книг, тихонько посапывал рыжий кот, которого раньше Максим никогда не видел ни в доме, ни в окрестностях.

Из-за пыли, парящей в воздухе, подобно снежинкам, Максим чихнул. Разбуженный громким звуком кот резко вскочил, угрожающе зашипев на Максима, но увидев, что мальчик не представляет никакой угрозы, он, лениво вытянувшись огненной дугой, спрыгнул со стопки книг. Обойдя Максима кругом, кот, сверкнув цитрусовыми глазами, исчез за одним из старинных шкафов.

– Эй! А ну стой! – прикрикнул Максим на кота (мальчик не собирался терпеть чужака в доме). К его глубочайшему удивлению, рыжая острая морда вынырнула из-за шкафа и через мгновение снова скрылась.

Ничего не придумав лучше, Максим кинулся следом за котом, петляя между старой мебелью, которую предыдущие хозяева оставили на

чердаке, создав запутанный лабиринт. Максим оказался возле высокого стеллажа, доверху заставленного книгами, папками и журналами. На самой верхней полке сидел тот самый кот, узкие вытянутые зрачки смотрели на мальчика с вызовом. Взгляд мальчика зацепился за лежащую сверху раскрытую книгу. А если быть точнее, толстую тетрадь в тёмной кожаной обложке. Максим огляделся в поисках рыжего, но того нигде не было.

Взяв тетрадь в руки, Максим открыл самую первую страницу. Текст был написан каллиграфическим почерком, со множеством завитушек, будто человек, писавший это, старательно выводил каждую букровку, стремясь сделать каждую следующую букву красивее предыдущей. Но каким бы аккуратным ни был почерк бывшего владельца тетради, Максиму потребовалось время, чтобы разобрать написанное.

«...История моя не примечательна ничем. Таких, как я, было много в начале этого века: обездоленных, брошенных на произвол судьбы, без куса хлеба, без крыши над головой, без семьи...

И знали бы вы, как много таких, как я, решили написать историю своей жизни и как много из этих историй никогда не увидят мир... Возможно, моя окажется в их числе. Но я пишу эти строки не для того, чтобы они обрели известность, а как, возможно, единственное напоминание о моём существовании.

Всё началось в одна тысяча девятьсот четырнадцатом году. Тогда я жила в простой польской семье, в предместье Варшавы. Как и многие четырнадцатилетние девочки, мечтала о счастливом, светлом будущем, о том, как буду путешествовать по свету, как однажды встречу свою любовь. Лишь сейчас понимаю, что всё это сбылось, я обошла полмира, встретила единственную любовь на всю свою долгую жизнь. Но какова была цена, которую мне пришлось за это заплатить!

В один из обычных, ничем не примечательных дней, один в один повторяющий предыдущий, когда я вместе со своими сёстрами хлопотала по хозяйству, за дверью слышались крики людей и звуки выстрелов. Никто даже не успел понять, что произошло.

Мы с сёстрами спрятались в подвале нашего дома в надежде, что скоро всё закончится. Мы ждали родителей весь день, но ни отец, ни мать так и не пришли. Не появились они и на следующее утро. Я начинала опасаться самого худшего. Вода и провизия, которую мы взяли с собой в подвал, заканчивалась. Ночью я долго не могла уснуть, считая выстрелы сверху, слушая, как в тёмном дальнем углу копошатся мыши.

Два дня, что мы провели в подвале, я молилась о том, чтобы выжить, чтобы всё это поскорей закончилось, но то, что происходило наверху, было лишь началом сражения на Восточном фронте Первой мировой войны.

И вот, на третий день, когда утихли выстрелы над нашими головами, вернулась мать, скрывавшаяся у соседей. Что стало с отцом, я не знаю до сих пор, скорее всего, он погиб. Ночью того же дня мать вывела нас за околицу, и на бричках мы и ещё несколько семей покинули родную Польшу.

В одну повозку вся наша большая семья не помещалась, меня было решено посадить в ту, что ехала первой. Стоило только нам отъехать от деревни, как вдали послышался шум мотора. Было ясно, что ничего хорошего это нам не сулит. Прогремел выстрел.

Бричка, в которой ехала я, пустилась по дороге с такой скоростью, что уже через пару минут деревня скрылась из виду.

Остались позади ужас войны, родная Варшава, мать и сёстры. Впереди была лишь непроглядная тьма осенней ночи и неизвестность.

Спустя три недели пути, я оказалась в России. Насколько тогда мне было известно, здесь жили мои дальние родственники. Но до них нужно было ещё добраться, так как жили они на Северном Кавказе. В конце прошлого века многие поляки переехали именно туда. Вот теперь и я вместе со своими попутчиками держала путь к далекому Кавказскому хребту.

Прошло почти два месяца. И вот, наконец, я оказалась на хуторе Грабовец. Здесь жил мой дядя, который приютил меня на несколько лет. Он относился ко мне, как к родной дочери, его сыновья называли меня сестрой. Жизнь потихоньку налаживалась. Постепенно забывался весь тот кошмар, что я пережила. Но всё же иногда долгими ночами я не могла спокойно спать, перед глазами вновь и вновь возникали лица моих сестёр, мама, отец... Порой мне становилось настолько больно от осознания того, что никогда больше их не увижу. Даже спустя десятки лет, я не знаю, что с ними стало, выжили ли они, а может быть, убиты. Быть может, знай я тогда, что с ними случилось, мне было бы легче. Быть может, я бы не просыпалась среди ночи, надеясь, что всё это было лишь сном.

Спустя четыре года, когда уже отгремела Октябрьская революция, я встретила человека, который сумел изменить мою жизнь. Возможно, именно благодаря ему я свыклась с тем, что теперь нет пути назад и отныне моё место в этой стране.

Его звали Павел. Как и я, он был польским иммигрантом, приехавшим в Россию в раннем детстве вместе со своей семьёй. Я полюбила его всем сердцем, и даже разница между нами в десять лет не пугала меня. И вско-

ре мы поженились. Павел жил на другом конце хутора, в небольшом домике, окна которого смотрели на близлежащий лесок.

Мы счастливо жили в том маленьком домике песочного цвета, на одной из стен которого росла плетущаяся роза. Со временем завели собственное хозяйство, и жизнь пошла своим чередом. Днём мы работали в колхозе, а вечерами в нашем доме не утихали звуки гитары и тихие душевные песни.

Через два года на свет появились мои сыновья Михаил и Павел, затем родились и остальные дети. Они стали смыслом моей новой жизни, всё своё свободное время я посвящала воспитанию своих детей. С момента их рождения в нашем доме тишина наступала лишь по ночам, когда все члены нашей семьи спали. Как сейчас, помню те чудесные деньки, когда моими любимыми заботами было воспитание детей и содержание дома в порядке.

Шли годы, каждый новый день отличался от предыдущего всего лишь парой мелочей. Я любила нашу спокойную, размеренную жизнь, сад за окном, вершины гор, возвышающиеся над лесом.

Казалось, так будет всегда, но всё перечеркнула война. Какое короткое слово, а как много боли оно принесло моей семье. Оно вонзилось в моё сердце тысячью ножей и навсегда оставило раны, которые не заживут никогда. Мой муж и старший сын ушли на фронт, а я осталась на хуторе вместе с младшим сыном и дочерьми. Каждый день я молилась, чтобы в списках погибших солдат не встретились знакомые имена.

Но в те роковые годы мои молитвы остались не услышанными. В ноябре одна тысяча девятьсот сорок второго года я получила две похоронки: в одной имя мужа, в другой имя сына, которые погибли в бою при обороне города Нальчика.

Их тела доставили в Грабовец, чтобы мы смогли похоронить их в родной земле. Во время похорон я не плакала. Я просто не могла поверить в то, что больше никогда не увижу улыбок дорогих мне людей, не загляну в родные глаза, не услышу их голосов... Мои муж и сын погибли, защищая свою родину, защищая жизни тех, кто им дорог. Они боролись за свободу и счастье своего народа.

С тех самых пор я не вспомню ни одной ночи, когда бы я смогла спокойно заснуть, я постоянно слышала их голоса в шуме ветра, в шелесте листьев крапивы.

Оставшиеся три года мы выживали, как могли. Урожая не было, люди и звери умирали от голода. И даже лес, кормивший нас своими дарами, опустел: ни птицы, ни зверя, ни одной ягодки, ни единого грибочка.

Хутор пустел, и с каждым днём на кладбище становилось всё больше и больше крестов. Но мы держались изо всех сил, цепляясь за жизнь. Это страшно – жить и видеть, как один за другим умирают твои друзья и знакомые, и осознавать, что в один момент ты и твои дети могут оказаться на их месте. Хотелось сбежать из этого места, как можно дальше, чтобы никогда больше с этим не сталкиваться, но у меня не было выбора, поэтому каждый день, выходя из дома, я старалась не смотреть по сторонам, боясь увидеть горе в глазах односельчан.

Девятое мая одна тысяча девятьсот сорок пятого года – самый счастливый день, пришла весть о том, что вооруженные силы Советского Союза взяли Берлин и теперь война окончена. Только тогда, впервые за много лет, я смогла вздохнуть с облегчением. Больше не будет страха, больше не будет раздаваться в небесах рёв самолетного двигателя и не напоят землю слёзы матерей, оплакивающих своих сыновей.

И жизнь вновь вернулась в своё прежнее русло. Несмотря на боль потери, я научилась радоваться жизни. Мои дети выросли, у каждого из них своя жизнь, своя история, а моя уже близиться к концу.

Меня зовут Идалия Горавская, в четырнадцать лет я бежала из родной Польши, оставив позади всё, чем дорожила. Я потеряла всё и всех, и моей единственной мечтой до сего момента было возвращение на родину... Но, где же моя родина, где мой дом? В Польше у меня никого и ничего нет, всё забрали огонь и смерть, но здесь, в совершенно чужой стране, я обрела дом, семью и любовь всей жизни. Раньше мне казалось, когда мои дети выпорхнут из родительского гнезда, я смогу вернуться на родину. Но теперь, оставшись в одиночестве в этом доме, хранящем историю жизни моей семьи, я понимаю, что моё сердце и душа принадлежат этим стенам, этому саду за окном, чистому небу и высоким горам на этой гостеприимной земле».

Закрыв тетрадь, Максим положил её на место. В голове роились разные мысли.

Что хотела сказать женщина, написавшая всё это? Почему она не вернулась в свой отчий дом, на свою Родину?

Быть может, потому, что отчий дом и Родина, за которые люди сражались и умирали, которые любили всем сердцем, означают не место рождения, а место, где ты сумел обрести себя, где родились и выросли твои дети...

Мальчик вдруг почувствовал, что именно этот дом будет всегда в его сердце, как и в сердцах многих поколений, живших в этом доме.

Подписные индексы в Официальном каталоге
ФГУП «Почта России» (синяя обложка):

«ИВАН-ДА-МАРЬЯ. Литературный журнал для семейного чтения»

Выходит 1 раз в месяц, 96 страниц, формат А5.

Подписной индекс – **П2123.**

Подписка в Онлайн: <https://podpiska.pochta.ru/press/П2123>

1 мес. 2019

132 руб. 46 коп.

Православная газета «Святой Покров»

Выходит 1 раз в месяц, 32 страницы, формат А 4.

Подписной индекс – **П2121.**

Подписка в Онлайн: <https://podpiska.pochta.ru/press/П2121>

1 мес. 2019

89 руб. 72 коп.

Подписаться на все наши издания вы можете
в любом почтовом отделении России,
а также оформить подписку в Онлайн.

